

Международная Научно-Исследовательская Федерация
«Общественная наука»

Научные тенденции: Филология, Культурология, Искусствоведение

Сборник научных трудов

по материалам
V международной научной конференции

26 июня 2017 г.

SCIENCEPUBLIC

Москва 2017

УДК 001.1
ББК 60

Н34

Научный диалог: Филология, Культурология, Искусствоведение. Сборник научных трудов, по материалам международной научно-практической конференции 26 июня 2017 г. Изд. ЦНК МНИФ «Общественная наука», 2017. - 36с.

SPLN 001-000001-0162-FF
DOI 10.18411/spc-26-06-2017
IDSP 000001:spc-26-06-2017

В сборнике научных трудов собраны материалы из различных областей научных знаний. В данном издании приведены все материалы, которые были присланы на V международную научно-практическую конференцию **Научный диалог: Филология, Культурология, Искусствоведение**

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Все материалы, размещенные в сборнике, опубликованы в авторском варианте. Редакция не вносила коррективы в научные статьи. Ответственность за информацию, размещенную в материалах на всеобщее обозрение, несут их авторы.

Информация об опубликованных статьях будет передана в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и наукометрическую базу SPINDEX

Электронная версия сборника доступна на сайте ЦНК МНИФ «Общественная наука». Сайт центра: conf.sciencepublic.ru

УДК 001.1
ББК 60

SPLN 001-000001-0162-FF

<http://conf.sciencepublic.ru>

Содержание

РАЗДЕЛ I. ФИЛОЛОГИЯ	4
Агальцова Т.Д. «Капитанская дочка» А.С. Пушкина и русские корни переводчиков	4
Бектурова Ж.Б., Кадеева М.И. Специфическое видение мира в национальном языке	6
Гончарова О.В. Из истории изучения русского языка на Северном Кавказе	11
Демченко Л.Н. Образ ребенка в художественном мире Чингиза Айтматова.....	14
Кадеева М.И. Реализация лингвоэкологической парадигмы в условиях полилингвального образовательного пространства Казахстана	17
Позднякова А.П. Судьба первых переводов романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» на английский язык	22
Серета С.Н. Сравнительный анализ обращений в английском и испанском языках	23
РАЗДЕЛ II. КУЛЬТУРОЛОГИЯ	27
Пищик О.Г. «Национальное и мировое» в эпоху глобализации	27
Ходырева В.В., Бутовичева О.В. Процесс становления одаренного ребенка в самопонимании и самопредставлении.....	29
Чельшев П.В. Символизм античной мифологии на примере «Илиады» Гомера.....	33

РАЗДЕЛ I. ФИЛОЛОГИЯ

Агальцова Т.Д.

«Капитанская дочка» А.С. Пушкина и русские корни переводчиков

Тверской государственный университет
(Россия, Тверь)

doi: 10.18411/spc-26-06-2017-01

idsp: 000001:spc-26-06-2017-01

Увидевшая свет в декабре 1836 года в журнале «Современник» повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка» практически сразу привлекла внимание переводчиков.

Г.К. Хеббе / Gustaf Clemens Hebbe (1804–1893) подготавливает для нью-йоркского издательства «Müller» вольный перевод повести на английский язык под расширенным названием «The captain's daughter; or, The generosity of The Russian usurper Pugatscheff», который был издан отдельным изданием [Puschkin 1846]. В 1859 году перевод повести на английский язык под точным названием «The captain's daughter» выходит в Лондоне: для издательства «Hollinger» перевод выполнил Дж. Ханштайн / J.F. Hanstein [Puschkin 1859].

Особый интерес вызывают переводы пушкинской повести, над которыми работали те, кто оказался, так или иначе, связанными с Россией. В этом случае речь идёт о возможности передать или сохранить с той или иной метой точности параметры национально-культурного своеобразия исходного текста, поскольку под воздействием социопсихологического фактора имеет место перенос фокуса внимания на личную идентичность самого переводчика [Масленникова 2013, 2017а, 2017б]. Например, Мари де Зелински / Marie de Zielinska (ум. 1915) предпочла видоизменить название пушкинской повести на «Marie, a story of Russian love» (буквально 'Мария, история русской любви'). Нам не удалось найти каких-либо многочисленных фактов. Известно, что она была замужем за известным американским пианистом и композитором польского происхождения Ярославом Зелински / Jarosław Zieliński (1847–1922), вынужденного покинуть по политическим мотивам свою родину, а Польша в XIX веке входила в состав Российской империи. В принципе, можно предположить то, что сама переводчица также имеет определённое отношение к польским кругам. Нам удалось только установить, что М. де Зелински работала школьной учительницей в Буффало (<https://www.geni.com/people/Jaroslaw-Zielinski/6000000026038453400>). Её перевод был впервые опубликован в 1877 году чикагским издательством «McClurg & Co» [Pushkin 1877] и неоднократно переиздавался (Chicago 1890, 1893, 1906, 1914). В предисловии к переводу переводчица уверяет своих американских читателей, что именно женитьба в 1831 году вдохновила А.С. Пушкина на создание «Капитанской дочки», где главная героиня Мария является альтер-эго Натальи Николаевны Гончаровой.

При передаче многочисленных русских реалий переводчица использовала в большинстве случаев методы калькирования, транскрипции, дескрипции: девичья келья – *virginal cell* (глава 7), графинчик водки – *a glass or two of vodka* (глава 4), квас – *kvass* (глава 1), самовар – *samovar* (глава 2).

Екатерина Муравьева (1868–1892), принявшая после замужества фамилию мужа, активно занималась переводами в русского языка. В Великобритании она получила известность как Mrs J. Buchan Telfer. Её перевод «The captain's daughter» вышел в Лондоне в 1875 году в одной книге вместе с переводами «Повестей Белкина» [Russian romance 1875] и был в 1880 году переиздан.

Интерес представляет перевод «Капитанской дочери», над которым работала Натали Даддингтон или Наталья Александровна / Natalie Duddington (1886–1972). Её отец – известный писатель Александр Иванович Эртель (1885–1908) вёл своё происхождение от оставшегося в России военнопленного солдата армии Наполеона. Н.А. Эртель родилась в Твери, куда её отец был сослан на четыре года за участие в революционной деятельности. После отбытия ссылки семья вернулась в Воронеж, где Н.А. Эртель окончила женскую гимназию в 1905 году. Затем она поступила в Лондонский университет, где получила магистерскую степень (1911). Выйдя замуж за пастора Джона Даддингтона (1865–1958), она осталась в Англии навсегда, занявшись переводческой деятельностью. Н. Даддингтон подружилась с семьёй Констанс Гарнетт / Constance Garnett (1861–1946), считавшейся лучшей англоязычной переводчицей произведений Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова. Неудивительно, что предисловие к её переводу «The Captain's daughter» [Pushkin 1928] муж К. Гарнетт – Э. Гарнетт / Edward William Garnett (1868–1937). Причиной разрыва отношений с семьёй Гарнеттов стали революционные события 1917 года, воспринятые К. Гарнетт с большим восторгом.

В 1933 году «Капитанскую дочку» в переводе Д. Даддингтон переиздают одновременно в Англии – лондонским издательством «J.M. Dent & Sons, Ltd.» и в США – нью-йоркским издательством «E.P. Dutton & Co.». Н. Даддингтон выступила также автором предисловия, занимающего в книге три страницы.

Предисловие открывают слова о том, что «А.С. Пушкин – величайший поэт России, от которого и начинается собственно русская литература» («PUSHKIN is the greatest of Russian poets, and Russian literature is truly said to begin with him»), так как его поэзия установила стандарты красоты поэтического слога для других поэтов, к которым они только могут стремиться, а чья проза сформировала и задала литературную традицию для всех последующих авторов. Как следует из предисловия, А.С. Пушкин задал для всей русской литературы также традицию придерживаться в произведениях реализма. В отличие от М. Зелинска, наоборот, Н. Даддингтон считает, что женитьба А.С. Пушкина на Наталье Николаевне Гончаровой усложнила жизнь молодого поэта, так как у него с женой не было ничего общего. Переводчица пишет, что у неё «не было интеллектуальных интересов, и она не могла оценить гениальность своего мужа; ей нравилось модное общество, она наслаждалась атмосферой придворных, которую Пушкин считал такой утомляющей» («She had no intellectual interests, and was incapable of appreciating her husband's genius; she liked fashionable society, and enjoyed the court atmosphere which Pushkin found so irksome»). Как следует из предисловия, в дальнейшем в России сложился настоящий культ А.С. Пушкина.

На обложке книги указано общее название «Captain's daughter and Other Stories», т.е. буквально «Капитанская дочка» и другие истории», так как в неё вошли следующие произведения А.С. Пушкина: «Капитанская дочка» / «Captain's daughter», повесть «Станционный смотритель» / «The Station-master», роман «Дубровский» / «Dubrovsky», повесть «Пиковая дама» / «The Queen of spades», исторический роман «Арап Петра Великого» / «Peter the Great's negro» и «Метель». Книга вышла в серии «Everyman's library», издаваемой совместно нью-йоркским издательством «E.P. Dutton & Co.» и английской издательской компанией «J.M. Dent & Sons, Ltd.». Цель серии, насчитывающей более 650 книг, состояла в распространении лучших произведений мировой литературы.

Перевод пушкинской повести, выполненный Н. Даддингтон, также имеет своеобразные черты. Например, родившаяся в России переводчица предпочитает давать буквальный перевод русских пословиц и поговорок, благодаря которым пушкинский текст оживает. Так, в переводе пословица утро вечера мудренее звучит как morning is wiser than evening (буквально 'утро мудрее вечера'), а не передана через ближайший соответствующий эквивалент – an hour in the morning is worth two in the evening. Так, речь Савельича изобилует различными пословицами и поговорками,

однако переводчица оставляет в своём тексте только три из них: из огня да в полымя – out of the frying pan into the fire, конь и о четырёх ногах» – a horse stumbles that has four legs, с лихой собаки хоть шерсти клок – as well get a piece of wool off a fierce dog. Подобное отношение к оригиналу привело к тому, что изменяется речевая характеристика персонажа. С другой стороны, возможно, переводчица решила не усложнять текст.

Как установлено [Масленникова 2015 и др.], даже сам факт нахождения переводчика как первичного читателя–интерпретатора в одном временном срезе с автором способен повлиять на ориентацию внутри Мира текста и на перевод как реконструкцию исходного текстового Мира.

В дальнейшем разные переводы пушкинской повести выходили практически одновременно в Англии и в США.

1. Масленникова Е.М. Временная маркированность терминов в художественном тексте (на материале переводов «Пиковой дамы» А.С. Пушкина) // Когнитивные исследования языка. – Вып. XX. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. – С. 700–708.
2. Масленникова Е.М. Национальная предметность как часть культурной спецификации текста // Вестник Тверского гос. ун-та. – 2017а. – №. 2. – Сер. «Филология». – С. 201–207.
3. Масленникова Е.М. Субъективное переживание читателем национально-культурной спецификации текста // Жизнь языка в культуре и социуме-6: Мат-лы международной науч. конф. (Москва, 26–27 мая 2017 г.). – М.: Изд-во «Канцлер», 2017б. – С. 55–56.
4. Масленникова Е.М. Художественный текст как социально-культурный феномен // Научный потенциал на свете-2013: Материалы за IX международную научную практическую конференцию (София, 17–25 сентября, 2013). – Том 13. – Филологические науки. – София: «Бял ГРАД-БГ» ООД, 2013. – С. 29–31.
5. Puschkin A. The Captain's daughter. Translated from the Russian by J. F. Hanstein. – London: F. Hollinger, 1859.
6. Puschkin A. The Captain's daughter; or, The generosity of the Russian usurper Pugatscheff. – New York: C. Müller, 1846. – 48 p.
7. Pushkin A. Marie, a story of Russian love. – Chicago: Jansen, McClurg & Co., 1877. – 209 p.
8. Pushkin A. The Captain's daughter and other tales. – London: J. M. Dent & Sons, Ltd.; New York: E. P. Dutton & Co., 1933. – 266 p.
9. Pushkin A. The Captain's daughter. With an introduction by Edward Gar-nett. – London: J. M. Dent & Sons, 1928. – 212 p.
10. Russian romance. – London: H. S. King & Co., 1875. – 293 p.

Бектурова Ж.Б., Кадеева М.И.

Специфическое видение мира в национальном языке

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
(Казахстан, Астана)*

doi: 10.18411/spc-26-06-2017-02

ids: 000001:spc-26-06-2017-02

Аннотация

При интерпретации фактов разных языков мира актуальными являются исследования с точки зрения связи языковых единиц с национальной культурой этноса. В статье рассматривается этносоциокультурная особенность русского и казахского языков, проявляющаяся как в наличии слов-реалий, специализирующихся на обозначении специфических для быта народа – носителя языка – предметов и явлений реального мира, так и в семантике. На материале географических наименований сравниваемых языков показана этническая специфика традиционно-бытовой культуры, продуцированная адаптацией к природно-климатической среде.

Ключевые слова: Этнос, принципы антропоцентричности и этноцентричности, национальная культура, ландшафтная картина мира, этносема.

Abstract

When interpreting the facts of various languages of the world, studies are relevant from the point of view of the connection of linguistic units with the national culture of an ethnos. The article deals with the ethnosociocultural peculiarity of Russian and Kazakh languages, which manifests itself both in the presence of words-realities, specializing in the designation of the language-specific people-the objects and phenomena of the real world-but also in semantics. On the material of geographical names of the comparable display languages, the ethnic specificity of the traditional domestic culture, produced by adaptation to the natural and climatic environment.

Key words: Ethnos, the principles of anthropocentricity and ethnocentricity, national culture, the landscape picture of the world, ethnosem.

Приоритетное в современной лингвистической парадигме этно- и антропоцентрическое осмысление языковых фактов, вызывающее необходимость обращения к проблеме взаимодействия языка и культуры, обуславливает «взаимовлияние наук..., введение в лингвистический оборот информации о тех аспектах языка, которые ранее оставались в ведении философии, культурологии, социологии, этнографии» [1, с. 3]. Настоящая статья написана в русле семантических исследований, в которых выдвигаются на первый план проблемы определения этнососоциокультурных и др. факторов, влияющих на формирование идиоэтнической языковой картины мира; анализ механизмов, обуславливающих расхождение концептуальной картины мира в казахском и в сравниваемых с ним языках [2, с. 105]. Соотношение языка и культуры анализируется в работе на материале русских и казахских географических терминов, в частности ландшафтных наименований, и определяется пересекающимися вопросами географии, истории, этнографии, лингвистики, этнолингвистики, лингвокультурологии.

Национально-культурный компонент плана содержания слов, выделяемый нами при сравнительном анализе ландшафтных наименований, обозначающих типичные признаки какой-либо местности: особенности рельефа, климата, почвенного и растительного покрова, водные объекты, – базируется на связи между языковым выражением, концептуальной структурой и национальной культурой и увязывается с когнитивно значимыми различиями между языками. Когнитивно релевантное различие должно быть значимо в аспекте национальной культуры. Различия в способах языкового отражения реального мира являются культурно релевантными, если они нагружены дополнительными культурными ассоциациями, обнаруживают специфические особенности быта, традиции, мировидения, относят к фактам традиционной культуры носителей языка, национально маркированы.

Человек сложился в природе и всю жизнь связан с ней, потому любая проблема, имеющая отношение к хозяйственно-культурной деятельности этноса, требует рассмотрения ее в контексте природно-географической среды. Территория, как указывает Ю.М. Бромлей, является важнейшим фактором этноса, ландшафтно-климатические особенности территории обеспечивают и влияют на жизнь этноса, отражаясь в некоторых общих чертах хозяйственной деятельности, культуры, быта, менталитета [3]. Территория, местность рассматриваются прежде всего по отношению к человеку, социуму и обуславливают формирование системы «социум – территория». В подобной системе территория служит базисом размещения всех элементов среды обитания человека, своеобразной подсистемой его жизнеобеспечения. Многообразие ландшафтно-климатических условий определяет и многообразие форм хозяйственной деятельности этноса, влияет на формирование основных способов добывания жизненных благ, уровня социального развития, характера общественной организации и облика этнососоциокультурного организма. Приоритетность тех или иных форм

хозяйства зависит от разных факторов. «Род занятий подсказывается ландшафтом и постепенно определяет культуру возникшей этнической целостности», – подчеркивает Л.Н. Гумилев [4, с. 167]. Именно природная основа ландшафтов должна рассматриваться как безусловный базис устойчивого природопользования. В результате длительной эволюции и адаптации к специфическим природно-климатическим условиям формируются жизнеобеспечивающие показатели культурной среды: способы хозяйствования, поселения, пища, одежда, жилище, составляющие этнокультурную специфику народа, совокупность явлений материальной и духовной культуры и языковых особенностей, отличающих один язык от другого. Так, географические условия казахстанского ареала (степи, пустыни, полупустыни, лесостепи) характеризуются повышенной величиной солнечной радиации, засушливостью, резко выраженной аридностью, континентальностью и сезонной дифференциацией климата, бедностью почвенных и водных ресурсов. Природно-климатические условия Казахстана определили характер и направления развития системы материального производства, структуру хозяйственных занятий казахов. В результате была выработана такая форма социокультурной адаптации и природопользования, как кочевое скотоводческое хозяйство.

Ландшафтная картина мира, как и другие картины мира, соотносится с языком как системой: она структурирована и включает определенный набор языковых элементов, являющихся отражением реального мира и результатов гносеологической деятельности народа – носителя языка. Элементами ландшафтов являются природные образования: составные части географической оболочки, горные породы, минералы, почвы, формы рельефа, подземные и поверхностные воды, льды, воздух атмосферы, растительный и животный мир. К ландшафтной лексике относятся слова, обозначающие типичные признаки какой-либо местности и отражающие ценностно-ориентированное знание русского и казахского народов о реальном мире [5]. Специфическое видение мира в национальном языке детерминировано как особенностями, обусловленными влиянием материальной и духовной культуры, так и особенностями окружающей действительности, чувственно воспринимаемой человеком. Ландшафтная лексика является той частью общенародного языка и языка науки, которая отражает «субъективный» мир этноса, национально окрашенный и формируемый под влиянием ряда общих и специфических факторов, из которых важнейшими являются географическая среда, природные и климатические условия, особенности рельефа. Именно это составляет ближайшее зримое, осязаемое и воображаемое окружение человека, этноса: «...богатство лесов, реки, плодородные земли обуславливают оседлость, – безжизненная степь заставляет кочевать, тем самым в зародыше подавляя культ вещей и благоприятствуя культу животных, способных накормить, обогреть, защитить» [4, с. 45]. Она отражает использование сравнимыми языковыми сообществами различных инструментов концептообразования, формирующих различные картины мира.

Развитию ландшафтной лексики казахского и русского языков оказали прямое или опосредованное воздействие в их диалектическом единстве физико-географическая среда (типы рельефа) как постоянно действующий фактор, кочевничество, скотоводство, земледелие, охота, рыболовство как многовековой традиционный тип хозяйственно-культурной деятельности казахского и русского народов, древняя религия. Как отмечает В.А. Маслова, «в эмоциональной загруженности слова, во внутренней форме слова, в закрепленные в языке знания о мире вплетается национально-культурный опыт конкретной языковой общности» [6, с. 37]. Так, в исследуемой подсистеме широко представлены слова, обозначающие разнообразные природные условия территории, занимаемой сравниваемыми этносами, отражен традиционный быт русского и казахского народов. Есть довольно много ярких

примеров, многосторонне представляющих типы ландшафтов: а) русск.: лесных – березняк, дубняк, липник, сосенник, бор, редняк, чаща, гуща, роща, тугай, гай, дром; возвышенных – гора, холм, бугор, кряж, дюна, взгорок, водораздел; низменных – низина, углубление, впадина, яма, овраг, буерак, долина, западина; водных – река, озеро, море, родник, залив, ручей, ручьевина; равнинных – равнина, долина, ланды, низменность, пампа, плато, подолье; б) казах.: пустынных – аңырақай, бәдия, бетпак, қуан, шөл, шөлейт, құладүз, дүз, сахара; низменных – апан, жыра, жырашық, жыражықпыл, қойнау, ой, ойпат, ор, ояң, сай; равнинных – алқап, өңір, аймақ, тегіс, жазық, алаңқай, өлке, далашық, жабдан, кеңіс; возвышенных – үстірт, бел, белес, белең, қырат, қыр, жота, дөнес, дөң, дөмпей и т.п.

Как показала лексикографическая презентация географической ландшафтной лексики русского и казахского языков [7], удельный вес общенародных слов, ставших терминами, выше в обоих языках по сравнению с общенаучными, узкоспециальными, диалектными словами. По своему характеру она сплошь номинативна и отражает объекты внешнего мира – конкретных ландшафтно-климатических зон, типы рельефа. В обоих языках широко представлена лексика, обозначающая признаки, свойства физико-географических объектов: а) орографических – вершина, гребень, гряда, подошва, кряж, косогор, межгорье, нагорье, оползень, отрог, пещера, подгорье, подножие, скат, снежник, складка, хребет, утес, флексура; казах.: адыр, аңғар, астырт, асу, бас, баурай, бет, бел, бөктер, беткей, етек, жандау, жандатпа, жантайма, көшкін, қия, қолат, дүз, ылди, шоқы, шым; б) гидрографических – берег, батиаль, брод, бурун, быстрина, водоворот, водоскат, воронка, впадение, гирло, гребень, дно, ерик, заводь, зажора, залив, запруда, затон, исток, лагуна, лиман, литораль, лука, меандр, мелководье, междуречье, мель, морцо, низовье, паводок, переузина, плес, пойма, хвост, устье, фиорд; казах.: ағын, айдын, айлак, арна, арық, арық-арна, арық-атыз, атырау, бастау, бөгет, бөгеу, бұғаз, бұлак, дария, жага, жагала, иірім, кемер, кенере, көлдеу, кірме, қайнар, қайраң, қайыр, қолтық. Богато представлена лексика, свидетельствующая о том, что этнос прочно освоил тот или иной образ жизни (оседлый земледельческий, земледельческо-скотоводческий и т.п.): казах.: жазық, шабындық, бақша, жайылыс, егін-жай, егістік, егіндік, бақ.

Один и тот же денотат может номинироваться разными типами лексических единиц в русском и казахском языках, при этом в одном языке различные стороны денотата могут быть закреплены в значении одного слова, а в другом – распределены между несколькими словами, так как языковая категоризация выделяет какую-либо особенность денотата, не актуальную, но выделяющуюся в другом языке. В этом случае каждый из языков использует присущие ему лексические и лексико-синтаксические средства перифразирования для выражения соответствующих понятий: гирло – озен тарамдары, подпочва – жер асты, предгорье – тау бөктер, наст – кабыршақ мұз, нагорье – таулы қырат и т.п. [7]. Так, например, терминам – сложным словам русского языка почти регулярно соответствуют словосочетания в казахском языке: лесотундра – орманды тундра, лесостепь – орманды дала, мелколесье – ұсақ ағашты жер, тоғайлы жер, мелкосопочник – ұсақ шоқы, мелководье – таяз су. Некоторые слова русского языка не имеют соответствий в казахском языке: разнотравье, разноцветье, староречье, туфолава, тянигуз, травокос, водомоина, водополье, левобережье, красноглинье, мелкотравье. Видовые понятия могут быть переданы в казахском языке только описательно: лайда – шалғынды батпак, мочажина – ми батпак, желтозем – сары топырақ, чернозем – қара топырақ, дуб – емен тоғай [7].

При переводе с русского языка на казахский слова могут иметь несколько вариантов: в русском языке может реализоваться только одна лексема для обозначения понятия, реалии, а в казахском языке существует несколько синонимов, которые используются в данном значении: шифер (рус.) – шифер, сазды сланец; фирн (рус.) –

фирн, муздак қар; массив (рус.) – массив, сілем, алап; жилка (рус.) – желі, жарық, рукав – тармақ, сала.

Немаловажным в освоении «пространства» является исследование реакции этнических групп на «вторжение в пространство» как фактора характеристики коммуникативных, поведенческих стилей, менталитета группы. Проникновение «чужого/иного» в пространство, несомненно, повлечет за собой ряд действий в определенной среде. Степь не боялась чужаков с благими намерениями и принимала каждого человека по-братски, видя в нем своего ближнего. Қарға тамырлы қазақ (Все казахи – птенцы одного гнезда, ветви одного дерева, одного корня) предполагало понятие қонақасы (доля для гостя), которое включало обязательное гостеприимство, почетное место (төр), щедрое угощение, приют, вежливо-почтительное отношение [8, с. 145]. Глубоко понимая условия своего существования, кочевники возвели необходимость видеть друг в друге опору, взаимоподдержку – жатсынбау (доверие, открытость) в принцип духовно-нравственного восприятия мира. Казах всегда находился в ожидании гостя (Қазақ қонақсыз отыра алмайды). В традиции гостеприимства обряд исполнения гостем песни хозяину, дому в знак уважения и благодарности (қонақ кәде). Заповедь Человек жив человеком была основой жизни номадов, поэтому гостеприимство с незапамятных времен стало в Степи одним из непреложных законов жизни.

Таким образом, язык, имеющий внутренние законы развития, непосредственно связан со своим носителем и имеет этнообразующий характер. Культура любого народа, соединяя общее и типическое с этнически своеобразным и особенным в свойственных ему чертах быта, языка, представлений о мире, стереотипных нормах и формах отношений человека и к среде обитания, является объективной реальностью. Подсистема «элементы ландшафтов» отражает этнические представления, связана с хозяйственно-культурной деятельностью народа, а также включает большое количество дифференциальных семантических компонентов (этносем), этнопоказательных признаков, обусловленных национальной спецификой обозначаемых денотатов. Этносемы отражают жизненный уклад, хозяйственную деятельность, обычаи этнокультурной общности и передают зависимость семантики от культурной среды индивидуума, являются свидетельством тесной связи языка и культуры. Лингвокультурологическая и этнографическая аспектуализация в семантической подсистеме ландшафтных наименований направлена на представление этносоциокультурной информации, которое осуществляется как с помощью языковых единиц с национально-культурным компонентом семантики, так и с помощью широкого массива лексики с межъязыковыми понятиями.

1. Жаналина Л.К. Лингвокультурологические функции казахского и русского языков // Вестник АГУ им. Абая. – 2001. – № 1 (3). – С. 3-9.
2. Гиздатов Г.Г. Концептуальные схемы в когнитивной парадигме лингвистики // Когнитивная лингвистика конца XX века. – Ч. II. – Минск, 1997. – С. 104-106.
3. Бромлей Ю.В. Этнические функции культуры и этнография // Этнознаковые функции культуры. – М.: Наука, 1991. – С. 5-21.
4. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: АСТ, 2000. – 848 с.
5. Бектурова Ж.Б. Этнографический аспект в структуре языка (на материале ландшафтных наименований в русском и казахском языках): дис. ... канд. филол. наук. – Алматы, 2000. – 134 с.
6. Маслова В.А. Языковая картина мира и культура // Когнитивная лингвистика конца XX века: материалы междунар. науч. конф.: В 3-х ч. – Ч. I. – Минск, 1997. – С. 35-47.
7. Бектурова Ж.Б. Ландшафтные наименования русского и казахского языков: словарные материалы. – Павлодар: ПГУ, 2003. – 226 с.
8. Кадеева М.И. О национально-культурной специфике картины мира // Филология и человек. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2011. – № 2. – С. 143-148.

Гончарова О.В.

Из истории изучения русского языка на Северном Кавказе

*Пятигорский государственный университет
(Россия, Пятигорск)*

doi: 10.18411/spc-26-06-2017-03

idsp: 000001:spc-26-06-2017-03

Аннотация

Статья посвящена краткому обзору истории изучения русского языка на Северном Кавказе. Установлено, что до настоящего времени наиболее детальному исследованию подвергались диалектные формы речи обозначенной территории - говоры и наречия, функционирующие на обозначенной территории. На данном этапе наиболее детально исследованы их лингвокультурологические, морфологические, лексические и семантические особенности.

Ключевые слова: региолект, социоллингвистика, вариант литературного языка, диалект, южнорусское наречие.

Современный этап развития общества, характеризующийся активным взаимодействием, интерференцией и динамикой всех форм существования языка неизбежно ведет к возникновению новых его разновидностей. Северный Кавказ, являясь территорией позднего заселения, что само по себе вызывает модификации и неоднородность говоров, так как известно, что «массовое переселение обычно порождает однородность диалектной основы» [4, С. 24], всегда характеризовался интенсивной динамикой социальной, экономической, политической, этнической и других сфер своего бытования, формируя, таким образом, сложное в этническом отношении многонациональное и многоязычное население. Иными словами, различная этническая, социальная и культурная среда, послужила выработке таких элементов национального мышления и национальной психологии населения, которые делают их носителями своеобразной языковой и культурной традиции [11, С. 438].

Полиэтничность региона, несомненно, мотивировала тот факт, что в диалектном членении русского языка из всех вариантов национального языка, статус отдельной диалектной группы на всей территории Северного Кавказа получили только донские говоры спустя более 50-ти лет после создания Диалектологического атласа в новом издании «Русской диалектологии» 2005 года под названием Донской группы говоров [13, С. 254; 266-268].

В классической диалектологической литературе имеются эпизодические описания языка, функционирующего на Северном Кавказе, что скорее всего, объясняется удаленностью региона и сложной внутривнутриполитической и внешнеполитической обстановкой конца XIX – начала XX вв. Одним из первых исследователей, вероятно, был В.И. Даль, включая в созданную им классификацию новороссийское и донское наречия (1852), донское наречие также встречается в классификации А.И. Соболевского и Н.Н. Дурново (1918). Далее Р.А. Аванесов отмечает, что в диалектном членении русского языка была учтена только южная группа южнорусского наречия к которой «...примыкают также говоры крайнего юга южновеликорусской территории – среднего и нижнего течения Дона и Северного Кавказа» [1, С. 229], и значительно позже о русском языке Северного Кавказа пишет Н.Н. Пшеничнова, с оговоркой, что «говоры данной группы не отражены в ДАРЯ и поэтому не были учтены в диалектном членении русского языка» [23, С. 60].

Современные исследования русского языка данной территории имеют своей методологической базой, в частности, две основополагающие докторские диссертации, посвященные проблемам описания и классификации говоров, одна из них под авторством основателя Волгоградской диалектологической

школы Л. М. Орлова "Социальная и функционально-стилистическая дифференциация в современных русских территориальных говорах" (1970), дающая первую классификацию бытующих в регионе переселенческих говоров. Результаты исследования Л.М. Орлова изложены в обширном приложении к своему исследованию-Лингвистическом очерке местных говоров (436 страниц машинописи), который послужил, в своем сокращенном варианте, базой для учебного пособия "Русские говоры Волгоградской области" (1984). Принципиальные положения Л.М. Орлова получают свое дальнейшее развитие в трудах Р. И. Кудряшовой, в частности в докторской диссертации «Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа: (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области)»(1998).

Необходимо также отметить все возрастающее число исследований различных аспектов именно народных и островных говоров русского языка на Северном Кавказе, подавляющее большинство исследований посвящено изучению донских говоров: Алахвердиева Л. К. Фразеология русских донских говоров: лексико-семантический и фразообразовательный аспекты изучения (2000); Архипенко Н.А. Лексика мифологической системы донских казаков как части духовной культуры (2010); Бочкарева Е. В. Наречие в донских говорах : лексико-семантический и структурный аспекты исследования (2008); Власкина Н.А. Концепт Судьба в языковой и мифопоэтической картине мира донских казаков (2010); Грязнова В.М. Говор казаков-некрасовцев: общая лингвокультурологическая характеристика (2010), Фонетическая система говора казаков-некрасовцев Ставропольского края (2016); Захарова М.А. Глаголы и устойчивые глагольные конструкции со значением трудовой деятельности в донском диалекте: семантический, структурный и словообразовательный аспекты (2013); Костина Л.Ю. Диалектная лексика говора станицы Архангельской Краснодарского края : структурно-лингвистический и лингвогеографический аспекты (2008); Крапивина, М. С. Лексико-семантическое поле "Рыболовство" в донских казачьих говорах (2014); Кузнецова Е. В. Мотивационный потенциал диалектного слова: на материале метеорологической лексики донских говоров (2005); Лалаева Д. И. Лексико-семантическое поле «Время» в донском казачьем диалекте: этнолингвокультурологический аспект исследования (2007); Ненькина Е. В. Вербализация пространственных отношений в донских говорах как отражение этнокультурного сознания казачества (2012); Сеницына Е. В. Семантические характеристики глагольных префиксов в синхронии и диахронии: на материале донских казачьих говоров(2010); Флягина, М. В. Лингвогеографическое исследование ландшафтной лексики донских говоров (2004); Юрченко С. А. - Речь как базовая ценность в языковом сознании донского казачества: на материале донских казачьих говоров (2008) и др.

Подводя итог краткому обзору характера и степени исследованности, русского языка Северного Кавказа, можно утверждать, что до настоящего времени наиболее детальному исследованию подвергались диалектные формы речи - говоры и наречия, функционирующие на обозначенной территории. На данном этапе наиболее детально исследованы их лингвокультурологические, морфологические, лексические и семантические особенности. Типология вариантов литературного языка, а в частности произносительных норм региона, а на более глубинном уровне такие вопросы фонетики как существование ядерного фонового варианта на Северном Кавказе[7, С. 194], является ли данный вариант коммуникативной нормой или воспринимается акцентным, границы его распространения, сегментные супraseгментные черты, все еще ждут своего исследования. В частности, в проверке нуждается гипотеза о том, что ядерным фоновариантом территории Северного Кавказа является южнорусский фоновариант, представляющий собой особую форму существования национального языка, входящий в парадигму литературного языка, закономерности функционирования которого определяются совокупностью социальных, исторических, коммуникативных и этнокультурных факторов.

1. Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии ч. 1. / Р.И Аванесов - М: Учпедгиз, 1949. – 448с.
2. Алахвердиева Л. К. Фразеология русских донских говоров: лексико-семантический и фразеологический аспекты изучения : диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Алахвердиева Лидия Кириковна. - Ростов-на-Дону, 2000.- 242 с
3. Архипенко Н.А. Лексика мифологической системы донских казаков как части духовной культуры: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Архипенко Наталья Анатольевна. - Ростов-на-Дону, 2010.- 269с.
4. Баранникова Л. И. Формирование и развитие говоров территорий позднего заселения / Л. И. Баранникова. - Саратов: СГУ, 1987. — 153 с.
5. Бочкарева Е.В. Наречие в донских говорах : лексико-семантический и структурный аспекты исследования : диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Бочкарева Елена Владимировна. - Волгоград, 2008.- 225 с.
6. Власкина Н.А. Концепт Судьба в языковой и мифопоэтической картине мира донских казаков: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Власкина Нина Алексеевна. - Ростов-на-Дону, 2010.- 327 с.
7. Гончарова О.В. Историко-социальные основы формирования южнорусского фоноварианта / О.В. Гончарова // Казанская наука. – 2012. - №12. - С. 192-195
8. Goncharova O.V. Sounding southern: some prosodic features of one regional Russian accent / O.V. Goncharova. - World Applied Science Journal, T30, №1 – 2014. pp. 17-19
9. Грязнова В.М. Говор казаков-некрасовцев: общая лингвокультурологическая характеристика / В.М. Грязнова // Вестник СГУ. – 2010 - №71. - С.69-75
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. - М.: Прогресс: Универс, 1994. - 1744 с.
11. Ефанова Л.П. Русское население Ставропольского края в этнолингвистическом аспекте (замысел и подходы к исполнению) / Л.П. Ефанова // Принципы методы исследования в филологии (конец XX в.): научно-методический семинар «Textus». СПб - Ставрополь, 2001. - С. 438-444.
12. Захарова М.А. Глаголы и устойчивые глагольные конструкции со значением трудовой деятельности в донском диалекте: семантический, структурный и словообразовательный аспекты: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Захарова Мария Алексеевна. – Волгоград., 2013.- 328 с.
13. Касаткин Л.Л. Русская диалектология / Л.Л. Касаткин Москва: Издательский центр «Академия», 2005. - 283 с.
14. Костина Л.Ю. Диалектная лексика говора станицы Архангельской Краснодарского края : структурно-лингвистический и лингвогеографический аспекты: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Костина Людмила Юрьевна.- Краснодар, 2008.- 212 с.\\
15. Крапивина, М.С. Лексико-семантическое поле "Рыболовство" в донских казачьих говорах: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Крапивина Мария Сергеевна. - Волгоград., 2014.- 252 с.
16. Кубанские станицы / Отв. ред. К.В. Чистов – М: Наука, 1967 – 355с.
17. Кудряшова Р.И. Слово народное. Говоры Волгоградской области в прошлом и настоящем / Р.И. Кудряшова - Волгоград: Перемена, 1997. – 124 с.
18. Кудряшова Р.И. Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа : На материале донских казачьих говоров Волгоградской области / Р.И. Кудряшова – М., 1998 – 64с.
19. Кузнецова Е. В. - Мотивационный потенциал диалектного слова: на материале метеорологической лексики донских говоров: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Кузнецова Елена Валентиновна. - Волгоград., 2005.- 333 с.
20. Лалаева Д. И. - Лексико-семантическое поле «Время» в донском казачьем диалекте: этнолингвокультурологический аспект исследования: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Лалаева Диана Игоревна. - Волгоград., 2007.- 255 с.
21. Ненькина Е. В. - Вербализация пространственных отношений в донских говорах как отражение этнокультурного сознания казачества : диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Ненькина Елена Вячеславовна. - Волгоград., - 2012.- 186 с.
22. Орлов Л.М. Социальная и функционально-стилистическая дифференциация в современных русских территориальных говорах / Л.М. Орлов – М.,1970 – 32с.
23. Пшеничнова Н.Н. Лингвистическая география (по материалам говоров). / Н. Н. Пшеничнова - М.: ИД «Азбуковник», 2008. — 220 с. ISBN 978-5-91172-017-9
24. Сеницына Е. В. - Семантические характеристики глагольных префиксов в синхронии и диахронии: на материале донских казачьих говоров: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Сеницына Елена Вячеславовна.- Волгоград., 2010.- 175 с.
25. Флягина, М. В. Лингвогеографическое исследование ландшафтной лексики донских говоров: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Флягина Мария Валерьевна. - Ростов-на-Дону., 2004.- 389 с.
26. Юрченко С. А. - Речь как базовая ценность в языковом сознании донского казачества: на материале донских казачьих говоров: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Юрченко Светлана Аркадьевна. - Волгоград., 2008.- 191 с.

Демченко Л.Н.

Образ ребенка в художественном мире Чингиза Айтматова

*Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова
(Казахстан, Усть-Каменогорск)*

doi: 10.18411/spc-26-06-2017-04

idsp: 000001:spc-26-06-2017-04

Творческая личность не может подчиняться влиянию извне. Скорее всего, творческая личность сама способна оказывать влияния на умы человечества в силу своей неординарности и проникновенным вслушиванием в мир. В современном контексте такой личностью можно считать творца – писателя – глашатая идей целого поколения, возможно, эпохи. Такой неординарной личностью рубежа веков XX-XXI можно считать Чингиза Айтматова.

Айтматов – по сути, глобальная величина, человек настолько многогранный и значимый не только для киргизской или русской культуры, но и для мирового художественного процесса. Человек, который раздвинул горизонты звучания узко национального голоса. Его билингвизм не ограничивается только владением двумя языками, это – владение двумя культурами – Запада и Востока. Фигура Айтматова известна всему миру в силу первозданности его таланта как писателя и прозорливости как политического деятеля.

У Айтматова не раз интересовались, как же вообще возможно соединить политику и художественную литературу. Действительно, известен опыт в русской литературе, когда великие поэты холодно относились к своей чиновничьей деятельности, вспомним Батюшкова, Пушкина. На подобный вопрос Айтматов отвечал, что трудно совмещать дипломатическую службу и творчество, писать приходилось урывками – в машине, в самолете, между рабочими визитами, но с другой стороны – писатель не может ограничить себя тихим кабинетом. Классик персидской литературы Саади говорил, чтобы истину сделать достоянием людей, нужно проповедать ее не в состоянии покоя, а в состоянии постоянной борьбы.

Если рассматривать интерпретацию художественных текстов современных писателей XX-XXI вв., то можно говорить о художественном эксперименте [4]. Не случайно так заметно включение авторами в текст произведений вставных эпизодов, обращение к историческим фактам, реалии, и в то же время – обращение к мифу и фольклорным элементам.

На примере творчества киргизского прозаика Чингиза Айтматова можно увидеть, что романский жанр – это скрепление в один текст самостоятельно существующих повестей, представленных в виде вставных эпизодов, глав. Особый интерес представляет система художественных образов.

Говоря о творчестве Чингиза Айтматова, его приверженности к художественному психологизму, литературоведы особое внимание уделяют айтматовским образам, в ряду которых главенствующее место занимает ребенок, подросток, молодой человек, только вступающий в жизнь.

Ребенок, с точки зрения Чингиза Айтматова, наследует всю информацию, что передается из поколения в поколение, из века в век. В этом образе сосредоточено чувство прекрасного, что ассоциируется с добром, светом, радостью. Именно ребенок в художественной трактовке Чингиза Айтматова выступает своего рода камертоном, определяющим взаимоотношения человека и мира. Юный герой Айтматова с восторгом встречает утро жизни, отсюда внутренний восторг и душевное преображение.

Мир детей, сказочный, неповторимый – это всегда тот, мир, который когда-то был открыт писателем в коротком рассказе «Солдадеток», повествующей о светлой печали, которую вновь и вновь переживали зрители в зрительном зале в далеком аиле;

в повести «Ранние журавли», ставшей отражением исторических и биографических событий военных лет. Юные герои, лишившиеся своих отцов, в одночасье становились самостоятельными, становились опорой для всей семьи. Это ощущение не случайно проникло в художественный мир писателя. Сам Чингиз Айтматов пережил боль потери родного, близкого ему человека - его отца, Торекула Айтматова.

Ч. Айтматов с болью говорил о своем отце как о человеке, отдавшем себя на заклятие. Эта рана не оставляет Айтматова-писателя всю его жизнь, отсюда и чувствуется боль за целое поколение, потерявшее опору в жизни. Возможно, поэтому одним из ведущих мотивов его творчества становится мотив жертвоприношения, мотив плахи, который проявился в его произведениях в 80-90-годах – в романский период писателя. Но художника слова не покидает стойкая вера в Человека, в его возможности. Особо ценен для Ч. Айтматова человек, вступающих в жизнь, познающий мир со всеми его сложностями и противоречиями.

Сюжетная коллизия айтматовских произведений, так или иначе, сосредотачивается именно на ребенке, это наблюдается в рассказе «Красное яблоко» (1963), в повестях «Тополек мой в красной косынке» (1961), «Материнское поле» (1962) и ряда других произведений.

Смыслом жизни пожилой женщины Толгонай из повести «Материнское поле», пережившей радость любви и материнства, горечь войны, унесшей ее мужа и сыновей, также становится ребенок. Ее сердце вновь наполняется материнской любовью, когда она берет на руки младенца и понимает: «А ведь жизнь не совсем погибла, остался росточек».

Образ ребенка в интерпретации Чингиза Айтматова придает повествованию особую тональность. Благодаря образу ребенка рассказ «Красное яблоко» из грустной новеллы о несбыточной любви превращается в сентиментальную историю о возвращении утраченной надежды. Именно в руках ребенка красное яблоко обрело свой истинный смысл, поскольку в образе ребенка сконцентрирован идеал айтматовского человека с его открытостью миру, чистотой помыслов, а красное яблоко как представление о человеческом счастье, воспринимается как необходимость для достижения духовной гармонии. Жизненное равновесие создается символическим образом ребенка, в руках которого красное яблоко. В представлении художника отношение к ребенку как раз и демонстрирует народную философию, восходящую к мифологическому миропониманию. В образе ребенка заключается идея сплочения, единения народа, выражение его духовного потенциала.

Тема отцов и детей, тема преемственности поколений – один из обертонов айтматовских произведений. Прерывая связь веков, забывая традиции предков, человек постепенно превращается в манкурта. Через всё повествование в романе «И дольше века длится день» проходит айтматовское: «вспомни своё имя!».

Тема сиротства очень остро прозвучала в повести Ч. Айтматова 1970 года «Белый пароход», именно с этого произведения следует отсчитывать своеобразный период творчества писателя. Читателей покорила и поразила юный герой повести, и в первую очередь, его открытым и глубоким взглядом на мир. Ребенок четко разделит его на мир добрых и злых, так появились Орозкул и дед Момун, облака, камни и колючий бодяк.

Повесть во многом автобиографична. Через чувство сиротства юного героя улавливается мироощущение создателя «Белого парохода», который не находит опоры в жизни, кроме как в самом себе. Не случайно Чингиз Айтматов заканчивает повесть фразой: «...я повторяю твои слова, мальчик: «Здравствуй, белый пароход, это я!» «Я» – мальчик, подросток, юноша, сохраняющий светлую память об отце, о его трагической судьбе.

Автора «Белого парохода» охватывает тревога за будущее своего народа. Эта повесть, являясь, одновременно, частью трилогии – «триптиха о мальчиках» - как ее обозначает К. Асаналиев [1], представляет собой противопоставление с повестью

«Пегий пес, бегущий краем моря», в которой, по мнению Г. Гачева, еще крепка национальная традиция, характерная для северных народов [2]. 70-е годы – период творчества писателя, в котором тема «мальчиков» особо значима, так как именно дети и подростки отражают представление автора об изменяющейся эпохе. Тоской по отцу пронизана и повесть «Ранние журавли». Это повесть, написанная в 1975 году рассматривается в литературоведении как произведение, обращенное вдалеке войны, поставленное в один ряд с такими айтматовскими произведениями, как «Лицом к лицу» (1957), «Джамиля» (1958), «Материнское поле» (1962), несмотря на то, что повесть «Ранние журавли» написана в середине 70-х годов. Исследователи творчества объясняют это возвращением писателя к теме войны через воссоздание картин тыловой действительности, их переосмысления. Именно подростки заменили своих отцов на полевом стане, бригаде, на конном дворе. Султанмурат с огромной любовью хранит в своей душе воспоминания об отце, которые ассоциируются в его сознании со светом и теплом. Любовь к отцу освещает жизненный путь Султанмурата, согревает его в тяжелые минуты. Он всегда помнит своего отца, и там, в воспоминаниях, он ощущает счастье, надежность, опору в жизни: «Сидя рядом с отцом, он был полон достоинства. И оно не покидало его всю дорогу».

Повесть овеяна воспоминаниями автора о трудностях, с которыми пришлось столкнуться подросткам тринадцати-четырнадцати лет, это повесть в определенном смысле автобиографична, в годы войны подросток – Чингиз Айтматов, как и его герой выполнял ответственные поручения, и порой, подвергался опасности. Боль утраты была связана и с ситуацией, когда юношу призывали отречься от своего отца, но он всегда хранил в своем сердце напутственные слова: «Помни имя своего отца!», которые эхом отозвались в романе «И дольше века длится день».

Чингиз Айтматов в какой-то степени демонстрирует то, что будет с человеком и его судьбой, если в его сердце прорвется жестокость. Так, появляется образ Крыльцова – героя романа «Тавро Кассандры» – это судьба ребенка-кассандро-эмбриона и того ребенка-икс-рода, который не знает своих корней, который потерял всяческую связь с миром. Поэтому-то писатель обращается ко всему человечеству с призывом – вернуть человеку его истинное назначение – быть «естественным» человеком, знающим своих предков, осознающим себя частью своего народа, его культуры.

В романе «Тавро Кассандры» четко вырисовывается две темы – рождения и смерти, - появление человека на свет и его уход. С точки зрения Чингиза Айтматова, рождение – это таинство, отсюда так важен образ матери. С материнским молоком ребенок получает не только жизнь, но именно таким образом осуществляется связь младенца с миром, с предками, национальными традициями. Не случайно роман «Тавро Кассандры» заканчивается словами автора, обращенными к Филофею, который, удаляясь от Земли, всё слышал хруст снега, по которому мать несла его к порогу детского дома. Именно тогда и прервалась эта связь, потому-то он так ясно слышал ее шаги – ведь это единственное, что связывало его с миром. Эти мысли и чувства человека конца XX века зеркально отражаются в произведениях писателя более раннего периода написания. Так, в повести «Материнское поле» звучат жизнеутверждающие слова матери: «Я благословила хлеб и, когда откусила от ломтя, ощутила во рту вроде бы какой-то незнакомый вкус и запах. Это был запах комбайнерских рук – свежего зерна, нагретого железа и керосина... это был сыновний хлеб... Святой хлеб!».

От юноши Сеита («Джамиля») Чингиз Айтматов ведет еще одну художественную линию в своем творчестве. Это – линия, которая связывает ряд произведений писателя, в их числе «Верблюжий глаз», «Ранние журавли», устремляясь к образам Авдия Каллистратова («Плаха»), Роберта Борка («Тавро Кассандры»). Это – айтматовские герои, которые видят свое назначение в привнесении в действительность

через знания и стремления к ним душевный поиск, высвобождении духовный и моральных сил, способных изменить ожесточенный мир.

Дети в художественном мире писателя являются в какой-то степени неким притягательным центром, вокруг которого и происходят все события повествования. Даже младенец в интерпретации киргизского прозаика способен изменить мир, свидетельством этого выступает младенец Кенджеш из романа «Плаха». Но более усугубляется роль ребенка в романе «Тавро Кассандры», в силу ряда обстоятельств ребенок вообще не желает появляться на свет. Эта мифологическая, фантазмагорическая идея пронизывает весь сюжет повествования.

Возраст детей и их роль для раскрытия идеи произведения весьма различны. Ребенок наделяется Чингиза Айтматовым такими качествами, которые определяют дальнейший путь не только будущего взрослого человека, но и всей семьи, и более обширно, всего рода, племени.

Таким образом, писатель, создавая образ человека, материализует его в художественном тексте, наполняя эстетической и духовной сущностью. Айтматовский человек вписан в художественный мир, где он обретает реальные черты, характеризующие его как носителя конкретной культуры и эпохи.

1. Асаналиев К. Чингиз Айтматов: поэтика художественного образа: Автореф. дисс. ...доктора филол. наук. - Фрунзе, 1989. - 36 с.
2. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. - М.: Советский писатель, 1988. - 448 с.
3. Новейшая зарубежная литература: Коллективная монография /– Алматы :Жибекжолы, 2011. – 584 с.

Кадеева М.И.

Реализация лингвоэкологической парадигмы в условиях полилингвального образовательного пространства Казахстана

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
(Казахстан, Астана)*

doi: 10.18411/spc-26-06-2017-05

idsp: 000001:spc-26-06-2017-05

Аннотация

Лингвистический интерес к объектам исследования смежных наук (права, политики, экологии) обусловлен необходимостью разработки методологии и научно-методических основ формирования профессиональных компетенций студентов-филологов в контексте модернизации высшего и послевузовского образования в Республике Казахстан. Экологические изменения в языковой среде вызывают неоднозначную реакцию лингвистического сообщества, поэтому весьма актуальной сегодня является разработка конкретных приемов реализации лингвоэкологической парадигмы в сфере образования.

Ключевые слова: профессиональная профилизация, лингвоэкология, языковые компетенции, инновационные образовательные технологии.

Abstract

The linguistic interest in the objects of research in related sciences (law, politics and ecology) is conditioned by the need to develop a methodology and scientific and methodological foundations for the formation of professional competencies of students-philologists in the context of modernization of education in the Republic of Kazakhstan. Ecological changes in the linguistic environment cause an ambiguous reaction of the linguistic community, thus and so actual today is the development of specific techniques for the implementation of the linguoecological paradigm in education.

Key words: professional profiling, linguoecology, language competences, innovative educational technologies.

Языкознание сегодня характеризуется расширением проблематики исследований, развитием междисциплинарных, пограничных и прикладных исследований. Современные аспекты развития фундаментальных и прикладных научных исследований, осуществляемые в лингвистических и литературоведческих направлениях, находят применение в разных отраслях гуманитарной науки в целом. В целях совершенствования лингвистического образования необходимо изучение вопросов филологии в целостной системе их практического освоения, рассмотрения в новых аспектах гуманитарных наук, что предполагает активный поиск конкретных механизмов и способов их совместимости в соответствии с мировыми тенденциями развития и сохранением национальных приоритетов. Именно такие сведения способствуют актуализации компетентностного подхода студентов и магистрантов-филологов.

Проблема модернизации филологического образования сегодня активно обсуждается учеными и методистами разных стран. В частности, такие российские ученые, как А.А. Чувакин [1], А.А. Вержбицкий [2] и др, активно поднимают вопросы усиления профессиональной направленности содержания преподаваемых курсов.

Система методов формирования профессиональной компетенции филологов при изучении языка должна быть ориентирована на организацию образовательного пространства, в контексте которого обеспечивается формирование необходимого уровня понимания проблем полиязычия, функционирования и развития языка как экосистемы [3; 4]; приобретает опыт использования языка не только как инструмента влияния на мысли, чувства других людей, но и как инструмента воздействия на окружающий мир, поскольку язык сопутствует и управляет деятельностью человека в социуме и в природной среде. Исследование природы и определение структуры лингвоэкологической парадигмы должны вестись, с одной стороны, с использованием самого передового научного инструментария (компетентностного подхода в области лингводидактики), с другой – посредством максимально возможного привлечения реального опыта проживания в условиях данной экосистемы и национального языкового пространства. Такую возможность предоставляет, к примеру, опыт общения в сети Интернет, которая не только обслуживает, но и наиболее адекватно отражает современный поликультурный мир. Поэтому, наряду с распространенным набором методов и форм, в условиях культурного пространства XXI века новые перспективы открывают современные системы коммуникации: цифровые средства массовой информации, невербальные методики и т.п., которые, безусловно, не могут не сказаться на системе филологического обучения.

Лингвоэкология как «находящаяся в процессе становления лингвистическая дисциплина, тесно связанная с такими разделами лингвистики, как социолингвистика, этнолингвистика, теория культуры речи, история языка, взаимодействующая с рядом других гуманитарных дисциплин (этнопсихологией, социологией, историей данного народа, историей его культуры) и исследующая проблематику языковой и речевой среды в ее динамике, прежде всего, проблематику языковой и речевой деградации (т.е. факторы, негативно влияющие на развитие языка и его речевую реализацию), языковой и речевой реабилитации (т.е. факторы, пути и способы обогащения языка, совершенствования общественно-речевой практики)» [5, с. 7], отличается большой широтой и разнородностью включаемых в него аспектов и проблем. Лингвоэкологическая интерпретация возможна также в ситуациях, когда происходят «языковые изменения, такие, как возникновение и исчезновение отдельных языковых категорий, типов текстов и коммуникативных функций. Предметом внимания языковой экологии является также языковая вариативность, рассматриваемая через призму отношения к среде, в которой она происходит. Сюда относятся языковые контакты, обусловленные контактами между политическими системами и культурами и связанные с этим такие явления, как смешение и скрещивание языков, овладение иностранными языками, двуязычие и т.п.» [6, с. 27]. По мнению В.К. Журавлева, экология языка, теснейшим образом связанная с экологией духовной культуры и культурно-исторических традиций, есть прежде всего забота о «чистоте речевой среды

обитания человека и всего народа» [7, с. 78]. Близка к такому пониманию А.К. Михальская, рассматривающая экологические проблемы языка как экологию речевой среды, целью которой является «обнаружение факторов, загрязняющих каналы общения, препятствующих пониманию между людьми, устранение помех, затрудняющих общение» [8, с. 8].

Увеличение количества фундаментальных исследований, посвященных таким прикладным направлениям, как «Язык и власть», «Язык СМИ», «Язык и экология» позволяет в ином ракурсе рассматривать образовательное пространство Казахстана. В трудах казахстанских исследователей [9] большое внимание уделяется мультилингвальной интегрированной подаче учебного материала с элементами творческого поиска и параллельным мониторингом, разработке соответствующих дидактических материалов, а также дилеммам, возникающим перед билингвальным педагогом, и проблемой его подготовки. Образовательно-интеграционным целям служит и ряд современных технологий полилингвального образования, связанных с использованием ИКТ, электронной почты, виртуальных друзей, а также разнообразные интерактивные методы и ролевые игры, инновации типа компьютерного диалога «преподаватель – обучающийся», подготовка би- и полилингвальных экскурсоводов, программа «приобщения» студентов к языковой среде государства. Все это в полной мере способствуют формированию профессиональной компетенции филологов.

С помощью экспериментальных методов мы попытались определить коннотации слов русского и казахского языков, называющие существенные черты национально-культурного своеобразия народов. Сопоставление отдельных картин мира дает возможность перейти к рассмотрению их роли в коммуникативном пространстве. Были рассмотрены различные составляющие языковых картин мира (на основе ответов-реакций русских и казахов в процессе свободного ассоциативного эксперимента, а также с привлечением сведений, содержащихся в словарях) в сопоставительном плане. Для определения ряда существенных черт национально-культурного своеобразия составных частей языковых картин мира было сочтено целесообразным обратиться к наименованиям понятий, связанных с пространством и временем, нравственно-онтологическими характеристиками, модусами перцепции (цвет, форма, размер, вкус), включая представления человека не только об окружающем мире, но и о себе самом. В анкетировании приняли участие 620 обучающихся 1-3 курсов разных неязыковых специальностей ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (г. Астана). При выявлении особенностей этикетного поведения студентов учитывались его вербальные и невербальные составляющие. Разработанная анонимная анкета на русском языке предполагала сведения личного характера (пол, возраст, национальность, образование, язык обучения); содержала 18 вопросов открытого и закрытого типов, направленных на выявление особенностей поведения студентов в конкретных ситуациях общения с преподавателем: во время аудиторных учебных занятий и вне учебных занятий (анкетирование проводилось в письменной форме).

Проведенные небольшие исследования дали возможность сделать ряд интересных выводов, перейти от сопоставления отдельных языковых картин мира к рассмотрению роли их элементов в коммуникативном процессе и изучению воздействия особенностей мировидения и мировосприятия на взаимопонимание между представителями соответствующих этносов (как влияет на процесс общения отсутствие какого-либо понятия в языковом сознании представителей того или иного этноса, разный объем его вербализации, степень его концептуализации). Так, при анализе ряда слов с лексическим временным значением в качестве стимулов в свободном ассоциативном эксперименте выявлена интересная характеристика этнокультурного восприятия времени: реакции казахов ориентированы на прошлое, у русских же отмечается ориентация на будущее. Это свидетельствует о том, что языковое сознание отражает глубинные слои не только культурного, но и исторического самосознания, а категория времени характеризует динамику этнического самосознания.

Культурная специфика динамики состояния сознания, его концептуализация отражается в том, что выявляются различные позиции сопоставляемых культур и таким

образом проявляются признаки этнокультурных особенностей. Наблюдения над реакциями в психолингвистическом эксперименте, а также над употреблением лексем (в том числе и универсальных эталонных слов для измерения временных отрезков), означающих короткий промежуток времени (миг, секунда, минута) показали, что в языковом сознании русских и казахов они в значительной степени идиоматизированы. Слова, обозначающие составные части суток (утро, день, вечер, ночь), а также и сама лексема сутки в соответствии с выявленными реакциями, по своему значению и восприятию носителями рассматриваемых языков, очень тесно связаны, с одной стороны, со словами, обозначающими понятия света и солнца, погодными, природными явлениями, а с другой – с повседневной конкретной деятельностью человека. Лексемы неделя, месяц, год в ответах-реакциях двух групп вызвали ассоциации, свидетельствующие о заложенном в них социокультурном потенциале. В целом, большинство реакций, особенно заключающих в себе аксиологический элемент, свидетельствует о том, что, к примеру, казахи воспринимают время более философски, а русские – более эмоционально. Наряду с этим, полученные путем исследования цветообозначений результаты экспериментов показывают их роль в языковой картине мира русских и казахов. Изучение аксиологического аспекта языковых явлений также способно дать богатый материал в выявлении национально-культурного компонента и доминант национальной ментальности.

По мнению ученых, использование современных концепций социологической теории позволяет корректно описать взаимодействие экологических и социокультурных факторов, когда происходит превращение чисто природных условий в регуляторы поведения людей общения [10, с. 46], тем самым создает возможности для выделения своеобразной творческой сферы, закрепляемой за лингвоэкологией. Лингвоэкология имеет целью представить объективную картину развития языка, оценить все ее стороны, предупредить об опасности искажения языка, уберечь язык как важнейшее средство человеческого общения от засилья инвективной лексики посредством «коррекции языкового поведения». Исходя из этого, функция лингвоэкологии сводится, в конечном счете, к совершенствованию качества современного языка в полиэтническом обществе.

Характеристика компонентов профессиональных компетенций филолога включает в себя три аспекта: 1) личностно-мотивационный, который включает в себя мотивы, цели, потребности, ценностные установки актуализации в профессиональной компетентности; 2) творчески-деятельностный, вбирающий в себя способность генерировать большое количество идей, отличающихся оригинальностью; способность предлагать смелые решения, способность прогнозировать инновационные тенденции и веяния в лингвистическом образовании, использовать прогноз при проектировании перспективных идей и их реализации; способность критически мыслить; способы деятельности, которые необходимы для мобильного решения профессиональных задач; 3) рефлексивный, когда профессиональная компетентность проявляется в умении сознательно контролировать результаты своей деятельности и уровень собственного развития, личностных достижений в виде особого портфолио.

Процесс становления профессионализма филолога-педагога может рассматриваться в совокупности таких уровневых систем, как формирование диверсификационной профессиональной компетентности филолога (как процесс расширения базовой компетентности лингвиста-филолога через приобретения профессионального опыта), и как становление синергетической компетентности филолога (как особую манеру осуществления педагогической деятельности; это своего рода креативный стиль деятельности через направленность на творчество, мотивационно-творческую активность и высокий уровень творческих способностей. Именно тогда возникает особый стиль деятельности филолога, который учитывает современные достижения интегративных курсов (в частности, «Юридическая лингвистика», «Лингвоэкология» и «Политическая лингвистика»), особый тип профессионального поведения как устойчивой системы взаимосвязанных индивидуально-специфических действий, направленных на эффективное выполнение

какой-либо проектной деятельности. Синергетическая компетентность включает в себя профессиональное качество личности филолога, позволяющее сознательно саморазвивать себя в процессе труда, вносить свой индивидуальный творческий вклад в образовательную профессию, стимулировать в обществе интерес к результатам своей работы. Каждая из этих компетентностей может быть рассмотрена с точки зрения самостоятельной целостности, обладающей определенной структурой и содержанием, и с точки зрения самодостаточного компонента другого уровня системных связей как более низкого, так и более высокого порядка профессионализации. В этом контексте актуальность поликультурного и полилингвального обучения определяется всеобщей мировой тенденцией к интеграции в экономической, культурной и политической сферах [11, с. 96]. В настоящее время это требует создания эффективной модели полилингвального образования, с использованием инновационных технологий. Именно компетентностный подход является объективной необходимостью в условиях современного образования, который будет способствовать созданию инновационной полилингвальной модели образования, сочетающей лучшие традиции казахстанской и мировой образовательных систем, позволяющей уже в стенах школы, вуза приобщать обучающихся к научно-исследовательской и экспериментальной деятельности, воспитывать высокообразованную личность с активной жизненной позицией, способной конкурировать на международном уровне.

Таким образом, в условиях инновационного развития образования, экономики и общества особое значение приобретают проблемы, которые тесным образом связаны с внедрением в профессиональное филологическое образование компетентностного подхода, выдвигающего требования к профессионализации филолога как целостному непрерывному процессу становления профессиональной компетентности. Эпоха глобализации всех сфер деятельности человека влечет за собой пересмотр приоритетов в образовании. Анализ современных филологических, психолого-педагогических, социологических исследований позволил определить аспекты изучения профессиональной компетентности, поликультурного образования, выявить психолого-педагогические механизмы и специфику учебной работы обучающихся для формирования толерантного отношения к языко-речевой действительности, взаимодействия языковых и культурно-этических норм, обосновать технологию воздействия средствами языка на информативное и эмоциональное поле в сознании человека; изучить базовые структуры национального сознания и поведения.

1. Чувакин А.А. Основы филологии: учеб. пособие. Изд. 2-е. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 240 с.
2. Вержбицкий А.А. Новая образовательная парадигма и контекстное обучение. – М.: ИПЦ, 1999. – 200 с.
3. Fill Alwin, Mühlhäusler Peter (eds.). The Ecolinguistics Reader. Language, Ecology and Environment. – Reissue: Continuum Inter. Publis., 2006. – 296 p.
4. Карасик В.И. Ценностные параметры лингвоэкологического общения // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: ежегодный журнал Северо-Осетинского гос. ун-та. – 2013. – Вып. XV. – С. 120-128.
5. Сковородников А.П. Лингвистическая экология: проблемы становления // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. – Вып.1 (1). – Красноярск-Ачинск, 1996. – С. 5-9.
6. Данеш Фр., Чмейркова С. Экология языка малого народа. Понятие экологии в лингвистике // Язык – культура – этнос. – М.: Наука, 1994. – С. 27-39.
7. Журавлев В.К. Экология русского языка и культуры // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. – М., 1991. – С. 70-76.
8. Михальская А.К. Практическая риторика и ее теоретические основания. М.: Прометей, 1992. – 135 с.
9. Салханова Ж.Х. Компетентность и компетенции. – Алматы: КазНУ им. аль-Фараби, 2013. – 178 с.
10. Иванова Е.В. Цели, задачи и проблемы эколингвистики // Прагматический аспект коммуникативной лингвистики и стилистики: сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.Б. Попова. – Челябинск: ИИУМЦ «Образование», 2007. – С. 41-47.
11. Надырмагамбетова М.А. Поликультурное образование в РК // Мир через языки, образование, культуру: Россия – Кавказ – мировое сообщество: материалы VI междунар. Конгресса. – Пятигорск: ПГЛУ, 2010. – С. 94-101.

Позднякова А.П.

**Судьба первых переводов романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»
на английский язык**

*Тверской государственный университет
(Россия, Тверь)*

doi: 10.18411/spc-26-06-2017-06

idspr: 000001:spc-26-06-2017-06

Роман Ф.М. Достоевского (1821–1881) «Преступление и наказание» увидел свет в журнале «Русский вестник» (1866), а отдельной книгой был выпущен в 1867 году. Практически сразу роман начали переводить на многие языки, а западная критика признала его как одного из ведущих русских авторов. Английские критики традиционно ставят Ф.М. Достоевского в один ряд с И.С. Тургеневым и Л.Н. Толстым: именно эти писатели являются одними из самых переводимых русских авторов XIX века [Масленникова 2015a].

Первым переводчиком романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского [Dostoyevsky 1886] на английский язык стал Фредерик Уишоу / Frederick Whishaw (1854–1934). Необходимо отметить, что Ф. Уишоу принадлежит к тем англоязычным переводчикам произведений русских поэтов и писателей, которые родились в России, оказавшись, таким образом, связанными с ней «кровными» узами, но остались при этом настоящими англичанами [Масленникова 2015б]. Именно любовь к России, её культуре и литературе заставляла многих таких «русских англичан» выступить в качестве переводчиков, стать популяризаторами русских авторов. Так, Ф. Уишоу увлекался творчеством Ф.М. Достоевского. Его интерес и любовь к его книгам привели к тому, что благодаря Ф. Уишоу английский читатель второй половины XIX века получил возможность прочитать «Преступление и наказание» / «Crime and Punishment» (1886), «Униженные и оскорблённые» / «Injury and Insult» (1886), «Идиот» / «The Idiot» (1887), «Игрок» / «The Gambler» (1887), «Село Степанчиково и его обитатели» / «The Friend of the Family» (1887), «Вечный муж» / «The Permanent Husband» (1888) и «Дядюшкин сон» / «Uncle's Dream» (1888).

О популярности переводов Ф. Уишоу и одновременно об интересе читателей к творчеству Ф.М. Достоевского свидетельствует тот факт, что за период с 1887 года по 1888 год в его переводе «Преступление и наказание» как «Crime and Punishment» (1886) выдержала три переиздания.

Однако в настоящее время имя первого переводчика великого романа остаётся известно в основном среди литературоведов.

В англоязычном мире самым переиздаваемым стал перевод К. Гарнетт / Constance Garnett (1861–1946), опубликованный впервые в 1914 году.

В 1913 году лондонское издательство «Heinemann» приступило к изданию произведений Ф.М. Достоевского в переводах К. Гарнетт. В 1914 году выходит четвёртый том с переводом «Преступления и наказания» / «Crime and Punishment» [Dostoyevsky 1914]: в подзаголовке следовало объяснение, что этот роман состоит из шести частей и эпилога (a novel in six parts and an epilogue). В предисловии к книге, написанном самой К. Гарнетт, рассказывалось о жизни автора, начиная от его рождения и обстоятельств его ареста до самой смерти писателя. Переводчица специально оговаривает, что это было необходимо для того, что читатель смог лучше понять творчество автора («A few words about Dostoyevsky himself may help the English reader to understand his work»). Особый акцент сделан на том, что вся судьба русского автора была полна трудностей и страданий. Она объясняет, что Ф.М. Достоевский – обычный человек из плоти и крови, но испытанные им страдания позволили ему испытать глубокие чувства, наделив при этом особой мудростью («He was one of ourselves, a man of our blood and our bone, but one who has suffered and has seen so much more deeply than

we have his insight impresses us as wisdom»). Именно сердечная мудрость (или мудрость сердца) и его взгляд на мир помогают читателю научиться тому, как жить («that wisdom of the heart which we seek that we may learn from it how to live»). Писатель всего добился сам: его дарование делает его великим («All his other gifts came to him from nature, this he won for himself and through it he became great»).

Несмотря на критику, а среди тех, кто критиковал результаты переводческой деятельности К. Гарнетт были, например, В. Набоков и И. Бродский, её переводы продолжали и продолжают переиздаваться. Так, в 1938 году издательство «Heritage Press» выпускает перевод К. Гарнетт с иллюстрациями известного американского гравёра Фрица Айхенберга / Fritz Eichenberg (1901–1990). Последний раз роман «Преступление и наказание» в переводе К. Гарнетт переиздаёт в 2017 году лондонское издательство «Macmillan Collectors Library». Для данного издания послесловие написал Оливер Френсис / Oliver Francis.

По данным всемирного каталога (<http://www.worldcat.org>) роман Ф.М. Достоевского в переводе Констанс Гарнетт переиздавался 23 раза.

1. Масленникова Е.М. Критики и литературоведы XIX века о русской литературе // Русская литература за рубежом: перевод как восприятие и восприятие перевода. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015а. – С. 55–82.
2. Масленникова Е.М. Первые англоязычные антологии русской литературы: XIX век // Русская литература за рубежом: перевод как восприятие и восприятие перевода. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015б. – С. 83–134.
3. Dostoevsky F. The novels of Fyodor Dostoevsky. – Vol. 4. – Crime and punishment: a novel in six parts and an epilogue. – London: Heinemann, 1914. – 493 p.
4. Dostoyevsky F. Crime and punishment: a Russian realistic novel. – London: Vizetelly & Co., 1886. – 456 p.

Середа С.Н.

Сравнительный анализ обращений в английском и испанском языках

*Муромский институт (филиал) Владимирского государственного университета
(Россия, Муром)*

doi: 10.18411/spc-26-06-2017-07

idsp: 000001:spc-26-06-2017-07

Аннотация

В статье приводятся результаты сравнительного анализа обращений в коммуникативных актах на английском и испанском языках. Выявлены характерные особенности обращений, частотность употребления форм обращений и лексем в рассматриваемых лингвокультурах.

Keywords: межкультурная коммуникация; интеракция; обращения.

Коммуникативное взаимодействие представителей различных лингвокультур является предметом изучения межкультурной коммуникации, как направления лингвистики. Лингвокультуральные отличия различных языков могут вызывать проблемы в общении, связанные с непониманием или неверным истолкованием слов, жестов и действий говорящего. Использование грамматически правильных языковых конструкций, соответствующих ситуации, и принятым в рассматриваемом социуме нормам этикета, является залогом успешной коммуникации. При этом одним из важных первостепенных факторов речевого акта является выбор формы обращения к собеседнику [8,10].

Цель работы состоит в сравнительном анализе обращений и выявлении частотности форм и лексем, используемых в обращениях в английском и испанском языках. При проведении исследований в работе были использованы различные методы:

общий метод анализа литературы; лингвистический анализ речевых единиц; метод сплошной выборки из источников; метод статистической обработки данных.

Корпус фактического материала для исследования включал художественные произведения, примеры деловых писем, аудио и видеоматериалы, доступные на момент исследования.

Сравнительный анализ обращений в рассматриваемых языках проводился как в отношении речевого диалога, так и деловой корреспонденции, для которой характерен стандартизированный (формальный) стиль, где формы обращений ограничены набором «штампов», соответствующих нормам этикета [1, 4]. При большом сходстве, обращения в английских и испанских деловых письмах имеют некоторые отличия:

- 1) Использование знаков пунктуации после обращения (, :)
- 2) В испанском языке недопустимы сокращения в обращениях [3].

При сравнении обращений в речевых актах на английском и испанском языках можно отметить ряд особенностей:

1) В испанском языке существует дуализм местоименных форм обращений (tú - usted / vosotros - ustedes), которые в явном виде не употребляются, кроме случаев противопоставления [5]. В английском языке местоимение you - стилистически нейтрально, а форма обращения определяется формулами речевого этикета и внелингвистическими факторами [2, 10].

2) При обращении к незнакомым в английской лингвокультуре часто используется нулевое (безличное) обращение, как стремление сохранить дистанцию между коммуникантами [6]. Для испанской лингвокультуры характерно сокращение дистанции, непринужденности и этической сниженности речи [7].

3) Как в английском, так и в испанском языке существует множество лексем, используемых в ласковых обращениях к родным, близким и друзьям. Однако, в английском языке термины родства употребляются преимущественно лишь в обращениях к родственникам, тогда как в испанском языке спектр адресатов в таких обращениях гораздо шире.

5) Для испанцев характерна эмоциональная экспрессивность, тогда как для англичан - эмоциональная сдержанность, что справедливо и в отношении невербальных средств коммуникации, используемых в интеракциях [6, 9].

6) Взаимовлияние рассматриваемых языков проявляется в заимствованиях, что характерно для территории США, где сосуществуют оба языка и происходит их активное взаимодействие.

Диаграммы, приведенные на рис.1, рис.2, показывают частотность использования форм обращений, в процентном соотношении. Выявлена характерная асимметрия личных и безличных форм обращений в испанском (42% / 4%) и английском (16% / 33%) языках; перевес в сторону неформальных обращений в испанском (66%) и формальных (66%) в английском языке. В испанских обращениях в чаще используется «Ты»-форма, чем «Вы»-форма (21% / 7%).

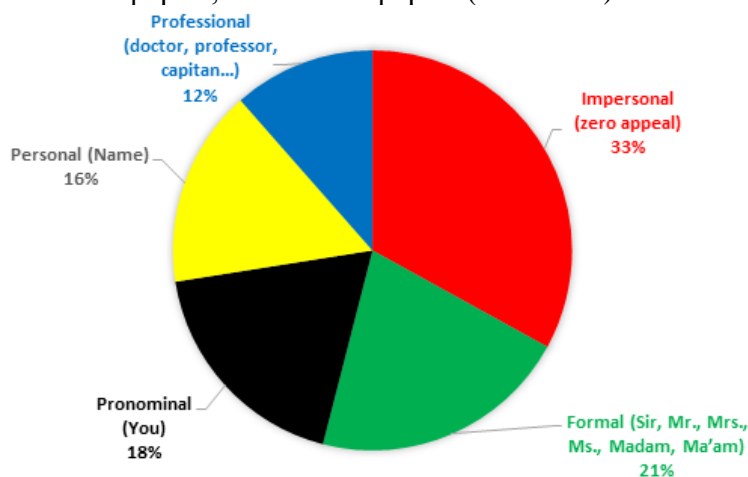

Рис.1. Диаграмма частотности видов обращений в английском языке

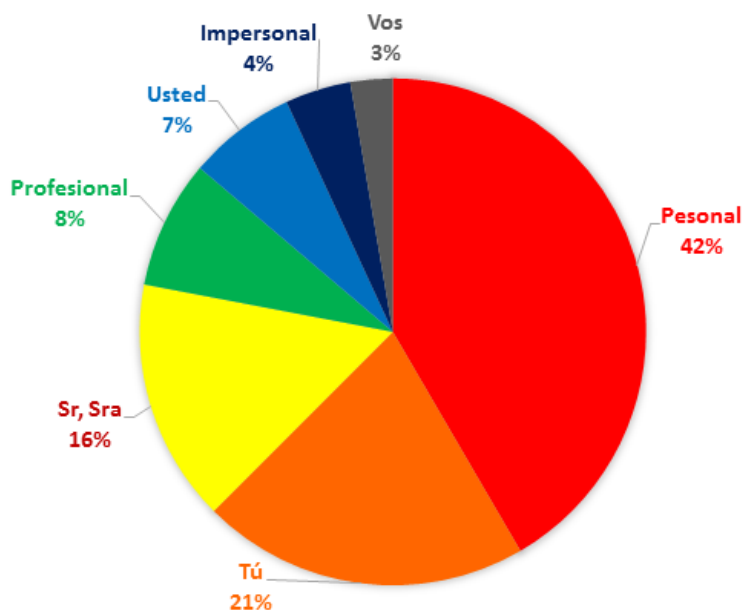

Рис.2. Диаграмма частотности видов обращений в испанском языке

В работе проведен анализ частотности употребления в обращениях различных лексем, приведенных на рис.3 и рис.4, и выявлены частотные доминанты:

- 1) в английском языке (Excuse me; Hello; Hi);
- 2) в испанском языке (¡Hola; ¡Buenos días!; термины родственных отношений).

Следует отметить, что как в английских, так и в испанских обращениях часто после приветственного слова идет фразовый вопрос, не требующий ответа, например, How do you do? в английском, и ¿Qué tal? в испанском обращениях.

В историческом аспекте анализ художественной литературы позволил обнаружить архаичные формы обращений, вышедшие из употребления, но отражающие лингвокультурные особенности прошлых веков. (master, massa в английском / don, doña в испанском).

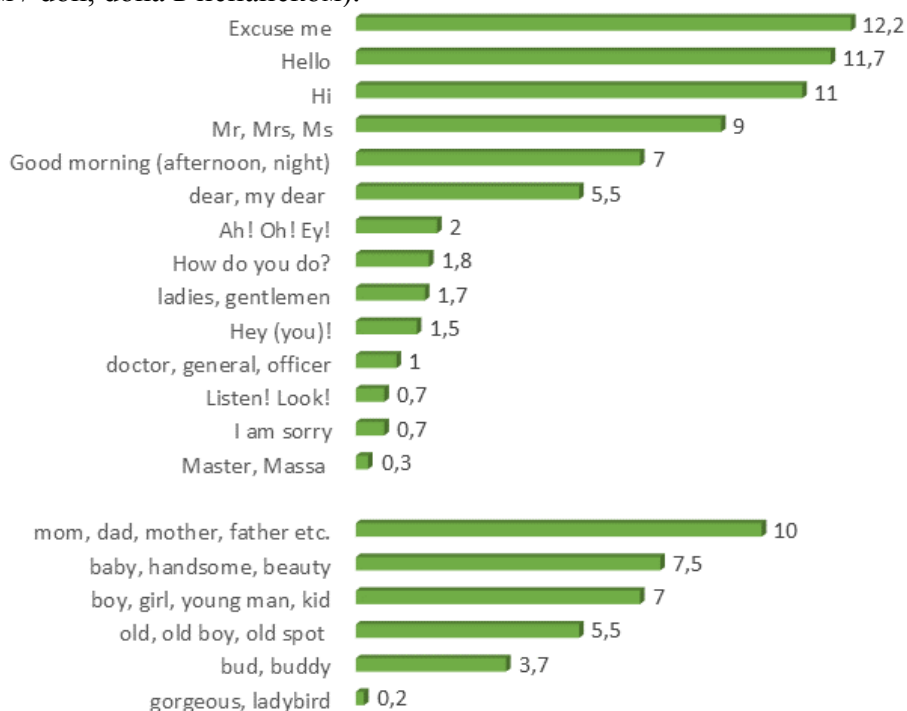

Рис.3. Гистограмма частотности лексем в обращениях на английском языке

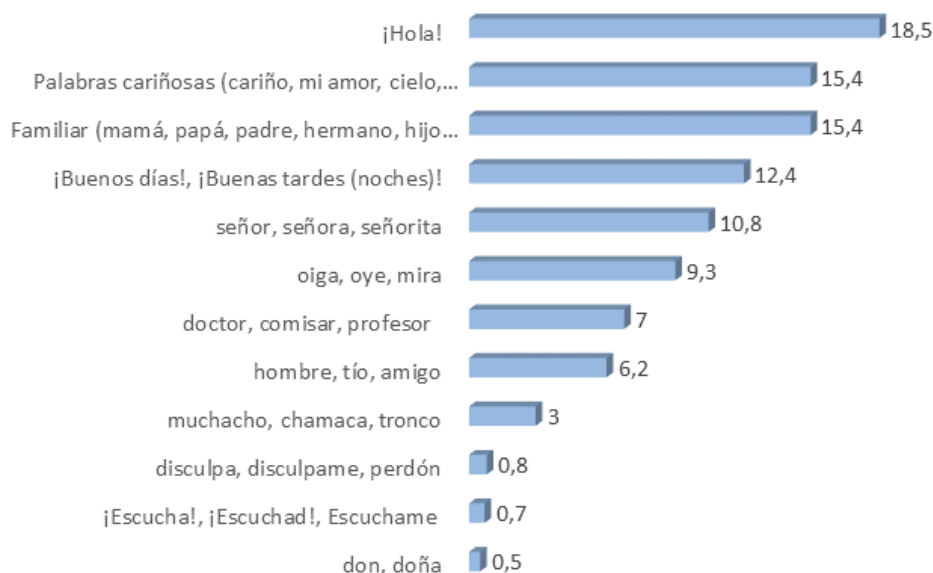

Рис.4. Гистограмма частотности лексем в обращениях на испанском языке

Проведенный анализ особенностей употребления обращений в английском и испанском языках, позволяет сделать вывод, что в рассмотренных лингвокультурах наблюдаются значительные лингвистические этнокультурные отличия в обращениях. При этом, обращение играет важную роль в структуре интеракции и определяет успешность коммуникативного акта (“A good beginning is half the battle”). Поэтому, для успешной межкультурной коммуникации нужно знать культурно-языковые особенности иностранных партнеров и, в процессе общения, следует придерживаться установленных норм речевого этикета.

1. Васильева Л. Деловая переписка на английском языке. – М.: Рольф, Айрис-пресс, 1998. – 352с.
2. Ильиш Б.А. История английского языка. – 5-е изд. - М.: Высш. шк., 1968. – 420с.
3. Калустова О.М. Бизнес-курс испанского языка: Учебное пособие. – К.: ООО «ИП Логос-М», 2008. – 448с.
4. Козлов А.А. Деловая переписка на испанском языке / Correspondencia comercial Ruso-Espanol. - М.: менеджер, 2002. - 176 с.
5. Носкова А.И., Плеухова Е.А. Эволюция испанского языка в странах Латинской Америки // Филология и культура. 2013. - №1 (31). – С.84-90.
6. Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США. Канады, Австралии. Новой Зеландии. - М./СПб.: ГЛОССА/КАРО, 2004. - 336 с.
7. Степанов Г.В. К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 328 с.
8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. - М.: Изд.-во МГУ, 2008. - 352с.
9. Фирсова Н.М. Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 352с.
10. Формановская Н.И. Культура общения и речевой этикет. – 2-е изд. - М.: ИКАР, 2005. – 250с.

РАЗДЕЛ II. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Пищик О.Г.

«Национальное и мировое» в эпоху глобализации

*Гродненский областной институт развития образования
(Республика Беларусь, Гродно)*

doi: 10.18411/spc-26-06-2017-08

idsp: 000001:spc-26-06-2017-08

Современной эпохе характерна тенденция гипердинамики общественных преобразований. Мир меняется постоянно и крайне быстро: за два десятилетия радикально изменились способы и средства коммуникации, образовалось и прочно заняло свое место в реальной жизни виртуальное Интернет-пространство, бурно возрастает объем информации, стремительно возникают инновационные технологии. Динамичной трансформации подвергается образ жизни и потребности людей, система ценностных ориентаций и норм.

Пройти личностное становление в современную противоречивую эпоху непросто.

Построению стройного мировосприятия и мироощущения личности зачастую препятствует преобладание меркантильно-прагматичного взгляда на все существующее, определенный дефицит и «общественная невостребованность» человеческого (по-белорусски «людскасці»), эстетического, гуманного.

Подрастающее поколение формируется в обществе, в котором социальные институты (брак, семья, искусство, религия, образование и др.), уменьшают область и силу своего влияния на воспитание, образование и становление личности.

Каков же наш мир? Мир гаджетов и виртуального общения. Мир, в котором потребительская гонка и комфортный быт становятся главными жизненными приоритетами? Или же это мир свободы мысли, выбора и мир больших возможностей? В том числе и возможностей для развития культуры личности, культуры общества, культуры народа.

Одна из характерных черт нашего времени – информационно-культурная проницаемость границ, вызванная скачком в развитии информационных систем, детерминированная тенденциями глобализации и интеграции.

Противоречивая ситуация налицо: с одной стороны – происходит обогащение и взаимопроникновение культур различных народов, происходит взаимообмен знаниями и опытом на международном уровне, с другой – возрастает опасность разрушения ценностных норм, социальной памяти и первоэлементов культуры (обычаев, традиций, языка, символов, знаков) отдельно взятого народа.

Как в этих условиях происходит инкультурация личности, познание ею ценностей мировой культуры и освоение национального культурного наследия?

Звучание национального в контексте мирового очень важно. Чтобы вписаться в человеческую общность, а не противопоставлять себя ей, необходимо понимать свое место в культуре, осознавая, что мировое культурное пространство – это своеобразная мозаика из сегментов культурного пространства регионов, взаимопроникающих, обогащающих и дополняющих друг друга.

Ощущать, понимать, принимать, признавать свое национальное и, наконец, гордиться им – поступательные процессы. Национальное – родное, данность, как жизнь, воздух. Постепенно «национальное» наполняется символами. Василек, лен, рушник, вышиванка, аисты «буслы», дуда и цимбалы – белорусское. Ромашковое поле, матрешка, березовая роща, балалайка и гармонь – русское. Русская песня будет разудалой, широкой, а танец – разухабистым, песня белорусская – задумчивая, а танец

(даже «полька-посакауха») – целомудренно сдержанный. Темп белорусской речи медленнее («павольнее») русской. Русская речь звонче, белорусская – глуше и мягче по звучанию.

Национальная культура детерминирована национальным самосознанием, национальным характером, национальным языком.

Ментальность, особенность уклада хозяйствования, образа жизни, представление о народном идеале, система базовых ценностей, национальный характер складывались на протяжении длительной истории и отличают народы друг от друга.

На формирование отличительных черт этнических общностей влияют многие факторы – природные, географические, социально-экономические.

К примеру, национальный характер белорусов, развиваясь на пересечении торговых и рыночных потоков, на пограничье между восточнославянским и средневропейским культурными регионами, приобрел черты практической уравновешенности, религиозной и межэтнической толерантности, стремления к рациональному бытоустройству. Упорство в достижении актуальных жизненных целей, приземленный житейский реализм, жизнь в согласии, в том числе, с природой – черты национального характера белорусов.

Особенности национального характера коррелируют с художественным творчеством, обуславливают художественную культуру народа. Поэтому понятны идеи поклонения белорусов земле, природе, женщине в декоративно-прикладном искусстве, художественных ремеслах, фольклоре. Понятны и христианско-языческие воззрения в народной философии.

Знание и понимание «своего национального» содействует духовному и нравственному становлению личности, ее включению в мировую культуру на основе моральных принципов, принятию «чужой культуры» как «иного национального».

Трансляция и развитие национального своеобразия культур народов мира способствуют сохранению культурного разнообразия человечества.

Особенности национальной культуры воспринимаются как само собой разумеющиеся, не требующие доказательств и обоснований. Осознание же уникальности культуры своего народа происходит при диалоге, взаимодействии, встрече с представителями, ценностями и произведениями других культур. При этом одни и те же объекты могут оцениваться по-разному, вплоть до возникновения отчуждения, раздражения в ситуациях, когда обнаруживаются различия в восприятии культурных ценностей.

Понимание художественных произведений, восприятие культурных артефактов и явлений человеком глубоко субъективно: оно преломляется через призму его жизненного опыта, воспитания, материальных и духовных ценностей народа, к которому он принадлежит, через грани его «души и сердца».

Тем не менее, существует ряд универсальных позиций, в восприятии которых представители разных культур и народов будут солидарны. Отличаться может степень или граница терпимости этих явлений. Например, жестокость, скупость, воровство, вранье никем не оценивается положительно. Это связано с биологической природой человека и общепринятыми правилами социального взаимодействия.

В эпоху глобализации важно накапливать и развивать положительный опыт межкультурного взаимодействия, что можно сделать лишь при условии осознания своей национальной идентичности и постижения ценностных ориентаций и многообразия культур других народов.

1. Слюсая, Б. Современный человек в процессе трансляции культуры в транзитивном обществе: автореф. дис. д-ра филос. наук: 09.00.13 / Б.Слюсая; М., 2004.
2. Ширшов, И.Е. Ментальные основы художественной культуры / И.Е. Ширшов // Основы мастацтва. – 1998. - № 3. – С. 25 – 42.

Ходырева В.В., Бутовичева О.В.

Процесс становления одаренного ребенка в самопонимании и самопредставлении

*Тольяттинская консерватория
(Россия, Тольятти)*

doi: 10.18411/spc-26-06-2017-09

ids: 000001:spc-26-06-2017-09

Аннотация

В статье раскрывается практика самоанализа развития и перспективного видения детской одаренности, с точки зрения самих учащихся ДМШ, ДШИ, ДХШ города Тольятти, демонстрирующих высокие показатели достижений в учебе и творческой деятельности, имеющих устойчиво-положительную динамику в плане развития способностей, в контексте выбранных образовательных программ учебных заведений и конкурсных испытаний.

Ключевые слова: Детская одаренность, поддержка, развитие способностей, самоанализ механизма становления таланта, принятие и перспективы реализации дарований в системе художественного образования.

Abstract

The article reveals the practice of self-examination development and vision of children's giftedness, from the point of view of pupils DMSH, DSHI, school of Togliatti city, demonstrating high levels of academic achievements and creative work with a steady positive trend in terms of development of abilities, in the context of selected educational programs of educational institutions and examinations.

Keywords: Children's endowments, support, development of abilities, self-examination of the mechanism of formation of talent, the adoption and implementation prospects of talents in the system of art education.

Среди самых интересных и загадочных явлений природы, детская одаренность занимает одно из ведущих мест. Проблемы ее диагностики и развития волнуют ученых и преподавателей на протяжении многих столетий. Интерес к детской одаренности очень высок и в настоящее время. Это объясняется, прежде всего, потребностью общества в воспитании неординарной творческой личности, энергичной, с высоким интеллектом и умением нестандартно мыслить, высокими творческими способностями и желанием внести свой наибольший вклад в развитие общества.

Существует множество психолого-педагогических исследований освещающих различные точки зрения на проблемы одаренности, они отражены в трудах ученых-психологов: Ф. Гальтона, А. Бине, Л. Термена, Дж. Рензулли, Х. Гарднера, Ф. Монкса, Д. Льюиса, Д.Б. Богоявленской, Л.С Выготского, Н.С. Лейтеса, Ю.Д. Бабаевой, Т.М. Матюриной, Ю.З. Гильбуха, А.В. Комаровой, А. И. Савенкова и др., но в научных работах отсутствовал взгляд на процесс становления одаренного ребенка, в его же собственном понимании и представлении.

Поиск ответа на вопросы:

- каково это, быть в «активном ожидании» реализации собственного таланта;
- как сам одаренный ребенок, ощущает и проживает свою особенность и внутреннюю непохожесть на других;
- как, взрослым, привлеченным к процессу обучения, формирования и воспитания, поддержать дальнейшее движение и развитие детской одаренности;
- какие механизмы будут способствовать более яркому и продуктивному ее раскрытию;

- какие педагогические воздействия, обеспечат ее устойчивость, высокую мотивацию и, в конце концов, подарят миру нового творца и стал основной целью анкетирования, организованного методистами Научно-методического центра художественного образования Тольяттинской консерватории (НМЦ).

Методисты НМЦ задали детям много «неудобных» вопросов. Если отвечать на них себе честно, можно было надолго погрузиться в раскопки собственного талантливого «Я». Сотрудники НМЦ старались, чтобы вопросы вызвали у учащихся интерес, сломали стену недоверия и помогли, хотя бы краешком глаза взглянуть на «кухню талантотворения, талантостановления и талантороста», так сказать изнутри.

На анкету, предложенную НМЦ, поступило 213 ответов из 12 учреждений художественного образования Тольятти и Жигулевска. В анкетировании приняли участие учащиеся демонстрирующие высокие показатели достижений в учебе и творческой деятельности, эффективно обучающиеся, имеющие устойчиво-положительную динамику в плане развития способностей, проявившие себя, как одаренные и талантливые, в контексте выбранных образовательных программ учебных заведений и конкурсных испытаний.

Обработка анкетных данных дала нам огромную пищу для размышлений. Ответы детей приоткрыли и мотивы и стремления и их глубинные чаяния – счастливы они или нет, спасуют ли перед трудностями жизненных и творческих реалий, будут ли довольствоваться ролью среднестатистических посредственностей, думающих, что чудес не существует, или проживут свою жизнь, так будто кругом одни чудеса. В этом направлении хочется работать дальше и глубже. Потому как понимание того, что движет современным учеником в системе художественного образования, обрисует перспективу и заложит фундамент в базу совершенно новых отношений в практике обучения.

Результаты анкетирования

1. Основная масса детей, к которым попали анкеты, это молодые люди в возрасте 12-15 лет, то есть, находящиеся в том прекрасном жизненном промежутке, который именуют подростковым.

2. Для реализации таланта нужно многое. Необходимо совпадение векторов возможностей и желания в точке, в нужном временном и территориальном контексте. И будет ли это собственный порыв, пример кого-то другого или желание близких, которые «видят дальше», или что-то другое, у всех это было по-разному. Поэтому, и такие разные ответы были на следующий вопрос:

Как все начиналось... Почему ты начал заниматься

- Так хотели взрослые – 24%
- Это было мое желание – 25%
- Так получилось – 27%
- У меня получалось, и это было совместным решением – 20%
- У ребенка не должно быть свободного времени – 4%

В твоей семье уже кто-то занимался творчеством

- Я первый – 38%
- Моя семья занимается творчеством профессионально – 12%
- У меня есть родственники, которые в детстве занимались – 26%
- Кое-кто из моих родных занимается творчеством, но никогда этому специально не обучался – 14%
- Другое – 10 %

3. Наши респонденты всего лишь молодые люди. Они совершают ошибки и иногда на них учатся. Им знакомы взлеты и падения, состояния, когда ты равен Создателю или беспросветная тоска от тревоги, что уже все, предел и вдохновение только иллюзия или акт воровства чужих идей, образов и мыслей.

Но они находят выход из подобных ситуаций. Возможно, из-за такого раннего опыта борьбы, побед и поражений, с ними и легко и трудно одновременно, как и им самим с собою. Потому:

В минуты слабости, хотя бы раз:

- Хотелось все бросить – 35%
- Хотелось немного отдохнуть, а потом продолжить – 13%
- Хотелось заниматься творчеством, но другим его видом, или сменить направление, инструмент – 12%
- У меня нет слабостей, а есть слово «надо» - 32%
- Другое – 8%

4. Участники анкетирования - сильные и умеют видеть смешное, даже там, где его не может быть, возможно, чтобы просто сохранить свою целостность и рассудок.

А когда цель им ясна и направления определены, им не нужен повод для того, чтобы ощутить радость, они ее генерируют, превращая в счастье, подтапливая собственной душой. И «скользящая» тема самооценки способностей имеет следующую картину:

- У меня способности не очень высокие – 14%
- Мои способности высоки – 29%
- Я одарен – 17%
- Я гений – 13%
- Уровень Бога – 26%
- Добавлена новая оценка – Умник (-ца) – 1%

5. Иногда, проблемы и трудности на пути к достижению «счастья обладания талантом», воспринимаются одаренными детьми, как цена за него, но большинство ребят, участвующих в опросе, считают, что талант – источник волшебной силы, но и понимают всю меру ответственности, выпавшую на их долю.

Что для тебя твое творчество:

- Источник волшебной силы – 51%
- Как старый чемодан – нести тяжело, выбросить жалко – 4%
- Это мой дар и я за него в ответе – 36%
- Это «мой крест» и мне его нести – 9%
- Другое – 0%

6. Возможность демонстрации своего таланта миру, несравнимо ни с чем. Она дает ощущение его реальности, открывает новые перспективы и дарит колоссальный опыт, хотя и представляет определенного рода нагрузку не столь физическую, сколько эмоциональную или даже душевную. На вопросы, касающиеся значимости публичных выступлений различного вида, а также физических ощущений до и после их прохождения, мы получили следующую выборку в процентном эквиваленте:

Выступления, конкурсы, прослушивания, для меня это:

- Возможность показать себя – 57%
- Возможность посмотреть на других – 10%
- Лишний стресс и напряжение – 6%
- Жизненный опыт – 23%
- Другое – 4%

7. Конечно, талант, это когда, ты не единственный автор того, что с тобой происходит. У таланта должна быть привычка достигать. И ее, по мнению, участвовавших в опросе, формируют учителя, наставники, родители.

Методисты НМЦ получили следующие результаты на вопрос о том:

Кто разделяет с тобой твой творческий путь, помогает, поддерживает:

- Мои родители – 28%
- Мои учителя – 24% выборов (в основном, все на художественных отделениях)
- Мои друзья – 36%

- Только я – 2%
- Другое – 10%

8. Неумение отдыхать, перфекционизм, склонность «чинить то, что работает», тревожность, упорство и нежелание просить о помощи – это слабости творчески одаренных детей, и поэтому ответы на нижеприведенный вопрос, несут налет эгоизма и эгоцентризма, но на наш взгляд, это скорее демонстрация защитной реакции респондентов, чем действительно выбранная модель поведения в контексте заданной ситуации:

У творческих людей случается вдохновение, когда оно приходит к тебе, то хочется:

- Поделиться со всем миром – 8%
- Рассказать и показать только близким – 24%
- Оставить при себе – 46%
- Продемонстрировать учителю – 12%
- Другое – 10%

9. Наши участники опроса, конечно, не идеальны. Но идеал, по их мнению, скучен, и по этому, часто не отмечен, не определен и не произведен в разряд кумиров.

Кем ты видишь себя через:

- Через 5 лет, видят себя студентами профильных ВУЗов – 65% из 100%, при выборе на временном отрезке (так же далее);
- Через 10 лет, видят себя состоявшимися профессионалами – 53%, остальные 47%, найдут счастье в семье и материнстве.
- Через 15 лет, будут знамениты и богаты - 72% из 100%
- Я так далеко не загадываю – выбор 2% из 100%
- Я не знаю – 14% из 100%
- Твой кумир – в основной массе ответов отсутствует, выбран - 8% участников (из них - 2 выбора, в пользу учителей школ, один в ДМШ №4, один в ДХШ им. М.Шагала)

10. Как известно, основное заблуждение молодости состоит в том, что мы ищем талант, как и Бога, за пределами самих себя, в то время как, все у нас внутри, и является нашим выбором. Непонимание этой природы, делает встречу с собственным талантом маловероятной и непродолжительной. Отрадно, что большинство опрошенных, мудры не по годам, и выбирают приоритеты правильно:

Где ты через 20 лет?

- Я на Родине – 10%
- Я там, где я нужен – 42%
- Я там, где хорошо – 35%
- Я человек мира – 10%
- Я не знаю – 3%

11. Путь таланта тернист и, наверное, самым главным здесь будет не способность встать на него, почувствовав в себе силу и тягу, а способность удержаться на нем. Наши дети смотрят в будущее с позитивом и верой в себя, в свою успешность и самореализацию. И потому вопрос, о том: - «чтобы ты сказал себе взрослому?», можно рассматривать как долгосрочную программу творческой жизни молодого, талантливого поколения, где в завуалированной форме, так или иначе, сквозит выбор жизненной стратегии – победителя или проигравшего.

Что бы ты пожелал, себе взрослому:

- Так держать! – 42%
- Будь проще! – 18%
- Ты смог! – 6%
- Завидуй молча! -0%
- Другое (но все в позитивном ключе 34%)

«Знаем ли мы, что такое талант?»

«В каком месте он начинается, откуда его считать?»

«Как и что нужно сделать, чтобы ребенок стал еще талантливее?»-

Этими вопросами, задавались сотни людей, которым выпала возможность на своем педагогическом пути встретить чудо детской одаренности. Как и о любви и о счастье, о таланте написано множество книг, стихов и песен, снято множество фильмов. Но еще никому не удалось вывести его формулы, дать такую характеристику, которую бы все смогли принять как истину, единственно верное определение. У всех своя мера.

Юность мерит По-максимуму. Либо ты талантлив, либо нет. Они понимают, что талант, он внутри, он не дает оправдать лень, бездействие, сдержанность. Он не даст стать, потребителем заурядности, прожигая и растрачивая жизнь бесцельно и бесцветно. Талант это мощный мотив делать свое дело профессионально и с любовью, преображая все вокруг.

И конечно, для таланта очень важно встретить своего Учителя, это так же важно, как встретить алмазу своего мастера, чтобы превратиться в бриллиант или произведение искусства, а не остаться лишь ресурсом или хоть полезным, но ископаемым. Лишь мудрый наставник подведет ребенка к главному пониманию того, что талант, как вселенная, бесконечен, это процесс, в котором нужно просто быть.

И тогда Талант — это Путь длиною в жизнь и даже больше. Осознание того, что ты делаешь, что хочешь и делаешь это лучше всех.

1. Владимирова, Л. Дети нового времени. //Воспитание школьника. 2008, - №1. - С. 56-58.
2. Выготский, Л.С. Избр. Психолог. Исслед., М., 1956.
3. Гильбух, Ю.З. Внимание: одаренные дети. - М.: Знание, 1991. - 80 с.
4. Гончаренко Н.В. Гений в искусстве и науке. М., 1991. - 432 с.
5. Лейтес, Н.С. О признаках детской одаренности. //Вопросы психологии. 2003, - №3. - С.34-42.
6. Лейтес, Н.С. Способности и одаренность в детские годы - М.: Знание, 1984. - 80 с.
7. Чудновский, В.Э., Юркевич, В.С. Одаренность: дар или испытание -М.: Знание, 1990. - 80 с.
8. Шумакова, Н.Б. Обучение и развитие одаренных детей / Н.Б. Шумакова. - М: МОДЭК, 2003. - 325 с.
9. Юркевич, В.С. Одаренный ребенок. - М.: Педагогика, 1996. - 190 с.

Челышев П.В.

Символизм античной мифологии на примере «Илиады» Гомера

Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»

doi: 10.18411/spc-26-06-2017-10

idsp: 000001:spc-26-06-2017-10

В статье пойдет речь о роли символа в античной мифологии как средстве познания. Символ всегда «указывает не на самого себя, но на нечто иное, чем сам он не является» [4, с. 198], он есть связующее звено между видимой (эмпирической) и невидимой (духовной) реальностью. Числовая символика в мифе выполняет аналогичную функцию, но только более строгим рациональным образом, раскрывая через количественные характеристики внутренние свойства и качества различных процессов и событий. Задача статьи будет состоять в том, чтобы проанализировать особенности числовой символика в античной мифологии на примере «Илиады» Гомера. Числа-символы будут рассматриваться как некие модели, разлагаемые в беспредельный ряд, как функции, порождающие бесконечные переменные [8, с. 208-209]. В этом и состоит их предназначение.

Известно, что над воротами платоновской Академии была написана фраза: «Не знающий геометрии, да не войдет сюда». Перефразируя это высказывание, можно было бы сказать, что человек, не знающий математики, не поймет античную мифологию и культуру. О. Шпенглер полагал, что число всегда выражает определенное мироощущение народа, которое для той или иной культуры самоочевидно и не

требует логического обоснования. Поэтому каждая культура имеет свою собственную математику [6, с. 201-247]. Имела такую математику и античность, которая знала числовой ряд от единицы до девяти. Так как число девять завершало числовой ряд, то оно обычно рассматривалось в качестве его предела. Много позднее, пифагорейцы девятку называли «пределом всех чисел». Но в этом числе все же есть определенная неполнота и недостаточность. Отсюда вытекало, что восьмерка имела статус «сугубой недостаточности», а, десятка, наоборот, приобретала противоположное значение и становилась числом «абсолютной полноты». Поскольку ноль античной математике был незнаком, постольку десятка образовывалось из девятки (число полноты), к которой прибавлялась единица – потенциальная полнота любого бытия. Отсюда ясно, что десятка уже без всяких сомнений рассматривалась в качестве числа абсолютного, как символ целостности, завершенности и совершенства.

У пифагорейцев десятка стала универсальным числом мироздания, которое образовывалось из четырех первых чисел $1 + 2 + 3 + 4 = 10$. Из этого возникло теоретическое обоснование десятичной системы, а понятие «десять» стало символизировать само совершенство на целые столетия: «Число десять совершенно, оно справедливо для всех, как для греков, так и других людей, которые, даже не желая, вместили в него наш счет» [4, с. 30]. Известное высказывание Пифагора о том, что миром правит число, можно отнести и к античной мифологии, в которой интуитивная символика чисел играет весьма значительную роль, выражая определенное мироощущение древних греков.

К примеру, в «Илиаде» Гомер никогда прямо не называет числовые характеристики вещей и событий, которые неявно характеризуют эти самые события. Так, обсуждая вопрос о необходимом количестве вождей для победы греков в Троянской войне, он постоянно упоминает с их стороны братьев Агамемнона и Менелая, Аякса Великого и Малого, Нестора, Диомеда, Одиссея, Ахиллеса и Идомея. Получается всего девять человек. А поскольку Ахиллес временно отошел от военных дел, поссорившись с Агамемноном, то вождей, реально участвующих в сражениях, оставалось всего восемь – или число сугубой недостаточности, которое не позволяло грекам взять Трою штурмом. Более того, в этот момент сами греки терпят сокрушительное поражение от своих соперников. С другой стороны, троянцы по той же самой причине не могут победоносно закончить войну, и спасти свой священный город. С их стороны упоминаются царь Приам, Гектор, Панфой, Фимет, Клитий, Ламп, Гикетаон, Укалегон и Антенор – тоже всего девять вождей, или число недостаточности [2, III 145]. Е.А. Авдеенко подводит итог: «Нет у ахейцев сил, чтобы взять Трою штурмом, нет у троянцев мудрости, чтобы закончить войну миром» [1, с. 24].

Подобная числовая символика действует во всех тех важных случаях, когда нужно вскрыть внутренний смысл тех или иных событий через точные количественные характеристики, например, во время описания воинских подвигов героев и жертвоприношений. Так, каждое важное общественное предприятие началось и заканчивалось принесением гекатомбы, которая в идеале состояла из ста быков, а в реальности могло ограничиваться 12 животными и выше до 100. Это число выступало здесь символом «полноты полнот» ($10 \times 10 = 100$). Поэтому верхом бессмыслицы было бы принесение в жертву, например, 110 или 200 животных. Гекатомбу приносили и отдельные люди в частном порядке. Как сообщает Диоген Лаэртский, когда Пифагор обнаружил, что в прямоугольном треугольнике квадрат гипотенузы равен квадрату катетов, то принёс богам гекатомбу [3, VIII 11 12].

Итак, видно, что символика чисел помогает раскрыть внутренний смысл важнейших событий античной мифологии и культуры, придавая им глубокое духовное измерение. И точно так же, как в эпоху поздней античности единица и тройка стали символом единого по природе Бога-Троицы в христианстве, числовой ряд «Илиады»

Гомера символически выражал все многообразие событий, происходящих с богами и людьми в космосе.

1. Авдеенко Е.А. «Античная культура» в современной классической гимназии // Опыт православной педагогики. М.: Русский хронограф, 1999. С. 3-176.
2. Гомер. Илиада и Одиссея. М.: Художественная литература, 1967. 767 с.
3. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: "Мысль", 1986. 620 с.
4. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М: Искусство, 1976. 367 с.
5. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. I. Античность. СПб: ТОО ТК "Петрополис", 1994. 336 с.
6. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. 663 с.

SCIENCEPUBLIC

Научное издание

Научный диалог:
Филология, Культурология, Искусствоведение

Сборник научных трудов, по материалам
V международной научно-практической конференции
26 июня 2017 г.

SPLN 001-000001-0162-FF

Подписано в печать 16.07.2017. Тираж 400 экз.
Формат.60x841/16. Объем уч.-изд. л.2,07
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Отпечатано в типографии НИЦ «Л-Журнал»
Главный редактор: Иванов Владислав Вячеславович